

Федеральная программа книгоиздания России
Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Повесть Н. Орловой
Иллюстрации А. Чаузова

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2000

Н
Е
В
С
К
А
Я
Г
У
Б
А

о. Благин б. Мишин
СРЕДНЯЯ НЕВКА

о Трудящихся б. Каменный

о. Крестовский

о. Аптекарский

б. Дикий (Хирви-Саари)

МАЛАЯ НЕВКА

Харповка

о. Петровский

о. Петербургский

б. Березовый Хойви-саари

о. Декабристов б. Голодай

Смоленка

о. Васильевский б. Лосий (Хирви-Саари)

1712
ПЕТРОПЛАВОВСКИЙ КРЕПОСТЬ 1703

о. Заячий (Мени-Саари)

Домик ПЕТРА I 1703

Летний дворец 1710-14

12 Коллеж 1721-52

Биржа 1803-1810

Кунсткамера 1718-34

Орманный дворец 1754-62

Эрмитаж 1764-75

Академия наук 1724-88

Министерский дворец 1710-20

Анниалейство 1704

Исаакиевский собор 1818-58

Хазанский собор 1801-11

Миниловский замок 1797-1800

Сенат 1829-34

о. Адмиралтейский

Майков м. Мья

Гостинный двор 1757-85

Новая Голландия

Хорошев канал б. Николаевский 1770-87

б. Екатерининский 1764-90

Фонтанка б. Жемь

Пряжка

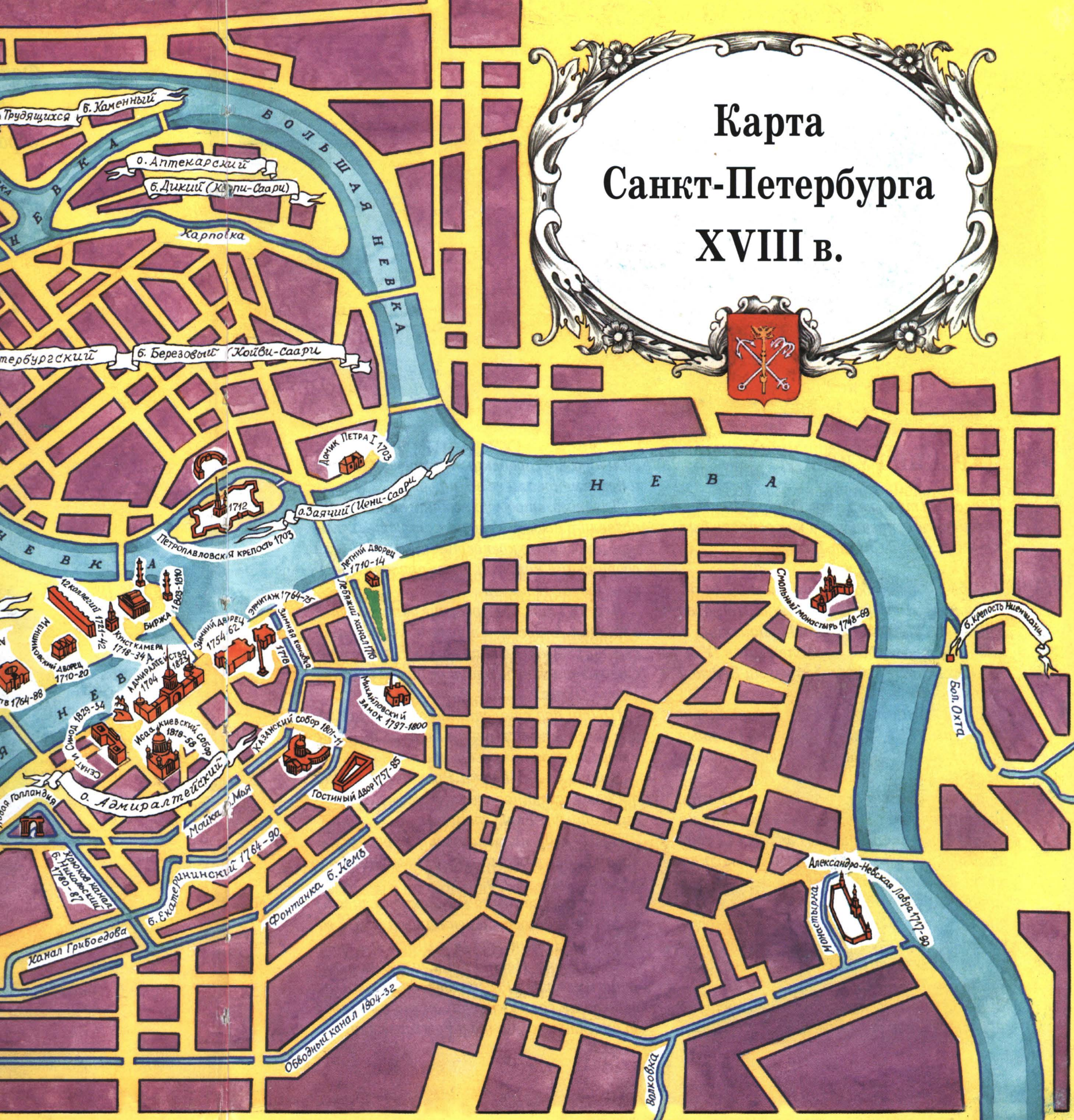
Канал Грибоедова

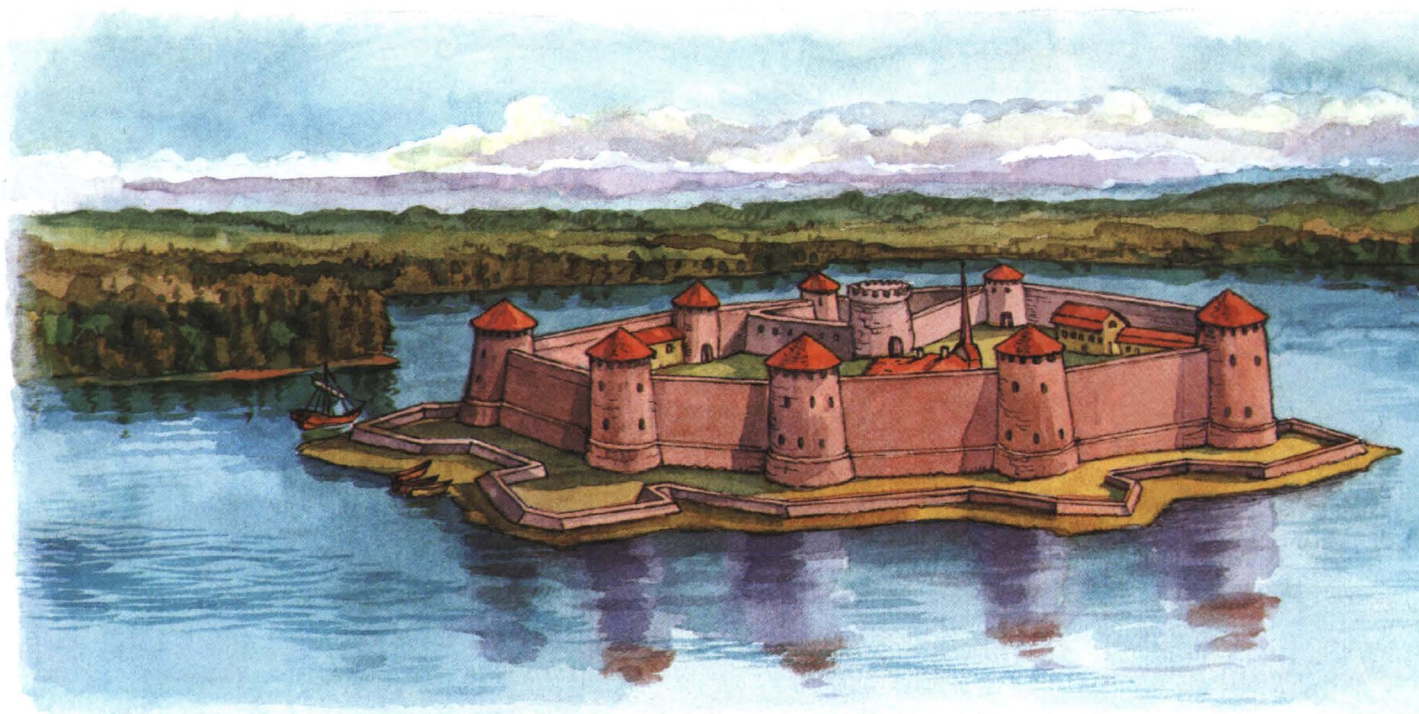
Обводный канал 1804-32

о. Гутчевский

Екатерингофка

Карта Санкт-Петербурга XVIII в.

ЦАРСКИЙ РУЛЕВОЙ

Повесть о том, как царь Петр I завоевывал шведские крепости и как основан был великий город Санкт-Петербург

В древности оба берега Невы были достоянием Новгорода Великого. Новгород под именами Гольмгорода, Гардарика (Город на острове) был известен еще в IV веке. Именовалось это «областями Водской пятины».

Воинственные обитатели Скандинавии не раз пытались захватить эти богатые земли. Однако новгородцы всякий раз отражали эти попытки.

В Средние века, уже с половины XII века, шведы начинают обращать внимание на земли Водской пятины. Так, в 1142 году произошло первое кровопролитное столкновение с новгородцами. Новгородцы отбили атаки нападавших. Затем были две знаменитые битвы 1240 и 1241 годов. Вновь борьба идет за невшское устье. Новгородский князь Александр, прозванный «Невским», оба раза разбил неприятеля.

Но в 1283 году шведы отняли некоторые волости Водской пятины, вместе с ними

сильную новгородскую крепость Орешек и переименовали ее в Нотебург.

Для того, чтобы утвердиться здесь, они возвели в восьми верстах от устья сильную и красивую крепость Ландскрону, для сооружения которой были призваны лучшие зодчие Италии.

Через 17 лет новгородские рати во главе с князем Андреем штурмом взяли Ландскрону, стерев ее с лица земли. На этом месте появился небольшой рыбацкий поселок Усть - Охта.

Почти два столетия новгородские ладьи беспрепятственно ходили по Неве в море торговать с Европой.

В начале XVII века Русь переживала тяжелое, смутное время. Шведы не замедлили этим воспользоваться.

В 1611 году знаменитый полководец Деллагарди без всякого предупреждения напал на Усть - Охту.

На месте, где была Ландскрона, шведы заложили крепость Ниеншанц. И с 1617 года берега Невы перешли к Швеции.

Безусловно, Петр I понимал, какое значение имеет для России выход к морю. При первой же возможности он начал борьбу за отнятые когда-то у России земли.

ЭХ! КРЕПКИЙ ОРЕХ! Октябрь 1702 г.

I
Мокро, туманно, знобко. По глубокой грязи, через леса и болота от Новгорода, Пскова, Ладоги тянулись на берега Невы русские полки. По размытой дождями дороге идут солдаты, тонут по колено в грязи. Тяжек этот поход. Ослабели за длинную дорогу воины, отоцали кони.

— На чем пушки везти? Лошадей-то не остается, — жаловались солдаты, но впрягались и тащили на себе тяжелые орудия.

К Нотебургу подошли в самом конце сентября. Целый день разбивали лагерь, а чуть стемнело, заснули солдаты мертвым сном. Лишь часовые, греясь у непрерывно горевших костров, пялили глаза в непроглядную осеннюю ночь.

А на следующий день в лагерь прибыл сам царь Петр. Он стоял на берегу Невы, среди дикой и прекрасной природы, как сказочный великан. Цепким взглядом разглядывал стоящую на острове шведскую крепость. Сильною она была.

Ни одного судна не могло пройти мимо Нотебурга, не попав под сокрушительный пушечный огонь.

Бледные невиские волны, словно отнимая у неба краску, с каждой минутой становились ярче, синее. Из-за осеннего лесного шатра поднялось солнце. Река засияла. Крепость была теперь опоясана водой, будто серебряным поясом.

У берега, поросшего камышом, слышались задиристые крики солдат да лязг железа: там заряжали пушки.

— Простор-то какой! Богатый край! — с довольной улыбкой проговорил царь. — А главное, море рядом.

— Так-то так, государь, — вздыхая, отозвался стоявший рядом пожилой офицер Федор Клыков. Он был седовлас, с густыми, росшими вверх бровями и широким шрамом чуть пониже левой щеки.

— Труса празднуешь, Федор? — насмешливо поглядел на офицера царь и снова зорким взглядом уставился на Неву.

— Нет, батюшка, мне уже поздно смерти бояться. Только и молю Бога, чтобы на поле брани дал мне умереть. Только вот...

— Ну, что, говори! — резко повернулся к нему Петр.

— Без лодок, государь, к крепости нам не подобраться.

— Это я и сам знаю, — сердито обрвал его царь.

— А если лодки с Ладоги поведем, мимо шведских пушек, постреляют и половину потопят, — продолжал Клыков.

Чуткий Петр понял, что Федор что-то придумал и потому так смело рассуждает.

— Ну говори же! — теряя терпение, вскричал Петр. — Знаю же, надумал что-то!

— Надо, государь, от Ладоги к Неве просеку рубить. По просеке в обход крепости лодки потащим, — предложил Федор, — тут не больше трех верст будет.

— Волоком, стало быть? — сверкнув круглыми большими глазами, живо спросил Петр.

— Волоком, государь. Хоть и тяжело, а надо...

— Тяжело? — упрямо сдвинул брови царь. — И слова такого не знаю! Сам лодки волочь буду! Лишь бы выкурить мне шведов из Нотебурга.

Петр повернулся и огромными шагами устремился в лагерь.

Целый день в непроходимой чаще стоял треск, шум и стук топоров: рубили просеку. А потом, скинув мундиры, обдирая ладони о жесткие веревки, солдаты волокли по просеке лодки.

Петр шел одним из первых. Перекинув веревку через плечо, наклонившись вперед и опустив голову, тянул тяжелую ладью.

Труд был не из легких. Воины с серыми от усталости лицами тянули лямку. Но не было ни у кого ни злобы, ни отчаяния. Сам царь-батюшка был с ними.

— Что ж тут поделаешь, работа наша такая, — говорили они друг другу, останавливаясь на короткий отдых.

— Зато уж как попрём шведов, тогда и попируем!

II

Наутро глянули шведы на Неву и оторопели. Там, сбившись в небольшие стаи, словно утки, покачивались на волнах русские лодки.

Десять дней обстреливали русские крепость. Не переставая громыхали пушки и мортиры. Занялись пожары. Орудийный дым и дым пожаров черно-красной завесой заслонял солнце. Нотебург горел, но не сдавался.

— Эх, крепкий орех! Не раскусишь! — насупив брови, повторял Петр, но не унывал, потому что для себя уже решил, что не отступится, пока не расколется этот орех на мелкие части.

Десятый день русские, как всегда, начали с обстрела. Вдруг, после грохота пушек, раздался треск и гром падающих друг на друга камней, поднялся серо-коричневый плотный столб пыли, а когда она рассеялась, все увидели в крепостной стене большущий пролом.

— Пролом! Ура! — послышались солдатские крики. Царь, командовавший одной из батарей как капитан-бомбардир, приказал полковнику Голицыну брать крепость штурмом.

Перестав стрелять, солдаты-добровольцы Семеновского полка во главе

с князем Голицыным на лодках ринулись к острову. Гребцы бешено работали веслами. Скорее бы добраться до песчаной полоски, примыкающей к крепостной стене! Шведы открыли огонь. Поплыли по воде обломки лодок. Темные кровавые пятна медленно растворялись в Невской воде.

Но вот и остров. Попрыгав с лодок, солдаты кинулись в пролом. Впереди бежал сам Голицын. Высокий, длинноногий, он на ходу бросил в ножны свою офицерскую шпагу, выхватил ружье из рук убитого солдата и помчался дальше. В смертельном рукопашном бою шпага не помощница.

Шведы спешно строили за проломом баррикады из камней, бревен и земли. В лица атакующим ударили залпы. С Голицына, словно невидимым смерчем, сорвало шляпу. Солдаты, бежавшие вслед за своим командиром, падали, поднимались и вновь устремлялись вперед. Выставив вперед сверкающие штыки-башнеты, шведские пехотинцы прыгали на них с крепости.

Голицын увидел, как летит на него шведский штык. Он увернулся, а в это время один из его унтер-офицеров сбил шведа ружейным прикладом. На

Голицын М.М. (1675—1730)

Голицын Михаил Михайлович происходил из старинного рода князей Голицыных. С 1687 года служил в Семеновском полку. В 1694 году произведен в прапорщики. Участвовал в Азовских походах. В 1708 году одержал победу над шведами при Добром и отличился при Лесной. В Полтавском сражении 1709 года командовал гвардией. Участвовал в морском сражении при Гангуте. В 1720 году командовал флотом, одержал победу при Гренгаме.

С сентября 1728 года М.М. Голицын — президент военной коллегии и член Верховного Тайного Совета.

При императрице Анне Иоанновне подвергся опале и в 1730 году умер.

подполковника уже набросился следующий. Голицын встретил его ружейным выстрелом. Резко звякнули столкнувшиеся башнеты. Завязалась борьба. Под натиском князя швед отступил. Штык Голицына вонзился в плечо врага. Но из-за баррикад катилась новая волна неприятеля. Яростно отбиваясь, голицынский отряд начал отступать. В проломе было так тесно, что негде было размахнуться штыком. В ход пошли

стволы ружей, русские бились ими нещадно, стараясь оттеснить и отбросить назад противника.

В это время в крепость пробрались новые штурмовые отряды из преобразенцев.

Шведы бросили все силы на защиту крепости. В проломе уже не было свободного места. Русские отступили. Бой перешел на прибрежный песок. Голицын оглянулся и понял: еще немного — и его отряд будет отброшен в воду. Солдаты все чаще оглядывались назад, на берег, растерянными глазами ища лодки.

— Бежать? Нет! — сам себе крикнул Голицын. Швырнув на изрешеченный пулями песок ружье, подполковник кинулся к лодкам. С гневом и яростью, словно они в чем-то были виноваты, оттолкнул от берега одну, другую, третью лодку.

— Вот так вам! — задыхаясь от быстрой работы, кричал он. Течение подхватило их и понесло.

— Семеновцы, преображенцы! Будем драться до последнего! — крикнул Голицын. — Вперед!

— Лодки-то уплыли, — чуть не плача указывал на Неву молоденький необ-

Шлиссельбургская крепость (до 1611 года — Орешек, до 1702 — Нотебург, с 1944 — Петрокрепость). Крепость неоднократно перестраивалась. В плане — неправильный треугольник. Из семи башен сохранилось пять. После постройки в 1703 году Кронштадта крепость утратила военное значение и была превращена в политическую тюрьму. В крепости есть братская могила воинов, павших при взятии Нотебурга. В ней сидел Иоанн VI (Иван Антонович) (1740—1764) — император из династии Романовых, был возведен на престол грудным младенцем в 1740 году и через несколько месяцев свергнут в результате дворцового переворота. Внучатый племянник императрицы Анны Иоановны, сын Анны Леопольдовны, которая считалась правительницей при малолетнем сыне.

После сражения 25 ноября 1741 года был отправлен с семьей в ссылку, затем переведен в одиночную тюрьму. С 1756 г. находился в Шлиссельбургской крепости, где со-

стрелянный солдатик из пополнения. — На чем плыть будем?

— Утоплю! — не помня себя от бешенства, заорал Голицын, оглянувшись на новобранца, и устремился к крепости.

Русские, сомкнув ряды, вслед за своим командиром ворвались в пролом. Вновь закипела отчаянная битва. Шведы осыпали русских картечью и ручными гранатами.

Тринадцать часов шел рукопашный бой. Наконец, силы шведов иссякли. Сквозь завесу пыли, дыма и огня русские воины увидели своего командира. Он стоял наверху, меж острых зубцов крепостной стены. Русское знамя развевалось на башне Нотебурга.

Шведские барабаны пробили сигнал сдачи.

Нотебург, древний русский Орешек, был взят. Великая Северная война продолжалась.

держался в глубокой тайне от всех. В 1764 году офицер В.Я. Мирович предпринял попытку освободить Иоанна и провозгласить его императором вместо Екатерины II. Согласно инструкции, стража убила узника. В последующие годы появлялось несколько самозванцев, выдававших себя за Иоанна Антоновича.

И. Левитан. Крепость. Финляндия

Карл XII (1682 — 1718)

Апраксин Ф.М. (1671—1728)

Северная война — война России против Швеции за выход к Балтийскому морю. Длится 21 год (с 1700 по 1721 год).

Швеция к началу XVIII века была одной из могущественных держав Европы. В ходе завоевательных войн XVII века, она создала одну из передовых армий того времени.

Готовясь к борьбе со Швецией, Петр I в 1699 году заключил союз с Данией и Польшей.

В 1700 году войска датского короля Кристиана V вторглись во владения союзника Швеции герцога Голштинского, а польский король Август II выступил к Риге.

В это время Петр объявил войну Швеции и двинул войска к Нарве. Шведский король Карл XII проявил незаурядный полководческий талант, решительность и быстроту действий. В нарвском сражении шведы разгромили необстрелянные русские войска, которые в беспорядке отступили.

Затем Карл XII выступил против Августа II, борьба с которым затянулась.

Этим воспользовался Петр I для усиления армии и строительства флота. Одновременно русские войска вели действия против шведов в Лифляндии и Ингрии (в то время владения шведов). Тридцатитысячный корпус Шереметева, располагавшийся в районе Пскова, совершил ряд набегов на Лифляндию против шведского отряда Шлиппенбаха и нанес ему поражение. Десятитысячный отряд Ф.М. Апраксина из Новгорода и Ладogi успешно действовал против пятнадцатитысячного отряда шведского генерала Кранморта. Эти небольшие тактические успехи подняли дух русской армии. Петр решил перейти к выполнению основной стратегической задачи — овладению линией Невы, и пошел на Нотебург.

ГОСТЬ НА ЗАЯЧЬЕМ ОСТРОВЕ Апрель 1702 г.

Пустынный островок в устье Невы, едва видимый со взморья, назывался «Заячьим». Густо поросший, он действительно издали походил на пушистого маленького зверька.

На горушке, совсем близко от воды, стояла рыбацья избушка.

Жили в ней старый рыбак, белобородый дед Артемий, и его внук Петруха, парнишка лет тринадцати. Мать он не помнил, она умерла, когда Петрухе было чуть больше года. Отец, как почти все жители этого края, был рыбаком. Он утонул, попав в страшный шторм. Петруха видел иногда отца во сне. Только отец почему-то являлся всегда таким хмурым и насупленным. «Помогаешь ли деду? Слушаешься ли?» — спрашивал он Петруху. «Помогаю, тятя, — торопливо отвечал Петруха. — Сети чиню и вяжу, за лодкой смотрю — все я. А что не слушаюсь иногда, так это потому, что дедко строг больно!»

Петрухе хотелось, чтобы отец ласково посмотрел на него, обнял, пожалел как маленького. Но понурая фигура отца начинала отдаляться, сон рассеивался, и, просыпаясь, Петруха всеми силами старался не забыть хоть и суровое, но такое родное лицо.

Стоял теплый апрельский день. Чуть оперились молодой зеленью деревья и кусты. Яркая коротенькая травка украсила оттаявшую землю.

Дед Артемий, пригревшись, сидел на бревнышке около своей избушки. Рядом Петруха, склонив русоволосую голову, ловко чинил рыбацкую сеть. Вдруг, подняв голову, он изумленно поглядел вдаль.

На Неве показалась лодка с двумя гребцами и рулевым, правившим простым рыбацким веслом. Ближе и ближе лодка — вот уже неуклюжее суденыш-

ко повернуло к берегу. У самого берега рулевой резко оттолкнулся, бросил весло и в одно мгновение очутился на суше.

Удивительного вида был этот человек. Громадного роста, с выпуклой широкой грудью, саженевыми плечами. Мощью веяло от него, силушкой богатырской. Петруха даже головой тряхнул. Не кажется ли ему? Не воскрес ли один из богатырей святорусских, о которых рассказывал ему дед? Не явился ли он оттуда, где так жестоко были побиты святым русским князем злые супостаты?

— Дедко, дедко! Глянь! — крикнул он задремавшему на солнышке деду. — Богатырь, про коего ты мне сказывал!

Старик вздрогнул, покачнулся и, чуть не упав с бревна, ворчливо проговорил:

— Да ты чего раскричался-то? Где тебе богатырь пригрелся?

— Да ты посмотри! Посмотри, дедко!

Поднял Артемий голову, глянул туда, куда в нетерпении указывал внук, и глазам не поверил.

— Да нет, не может того быть! Маревое все это...

Заслонился ладонью от солнца:

— Богатырь, истинно богатырь, прямо из сказа. Росту высоченного и тяжести, как видно, непомерной.

Рулевой гигантскими скачками приближался к ним.

— Здорово, старина! — закричал он, да таким громовым басом, что Артемий испугался. — Как живешь?

— Здравствуй, — глядя во все глаза на диковинного гостя, ответил старый рыбак, поднимаясь с бревна.

— А это кто? — насмешливым взглядом окидывая Петруху, спросил великан.

— Это внучек мой, Петруха; Петр, стало быть...

— Петр? Вот так дело! Тезка мой, значит! Меня ведь тоже Петром зовут.

— Кто же будешь такой и откуда? — с любопытством спросил Артемий. — К нам гости редко бывают. Разве зайцы в половодье понабегут. Петруха-то мой тебя за богатыря былинного принял.

— Я-то кто такой? — смеясь, переспросил богатырь. — Чин небольшой. Бомбардир — капитан Преображенско-

го полка Петр Михайлов.

Петруха, раскрыв рот, с восхищением смотрел на бомбардира. Очень нравилось ему слово это «бомбардир», такое же громкое, грохочущее, как и сам капитан.

— Ну, что смотришь? — задиристо обратился к нему гость. — До сих пор думаешь, что я к тебе из дедовой сказки прибыл?

— Нет, — махнул Петруха рукой, — мне бы...

— Ну говори, говори...

— Мне бы в полк к вам! — набравшись смелости, выпалил Петруха. — А ты не смотри, что я щупл да худ. Я худой да жилистый! — поспешно сказал он, видя, как богатырь со смехом оглядел его с ног до головы.

— Чего выдумал, пострел, — негодуяще крикнул Артемий, больно щелкнув внука по затылку.

— Дедко, чего дерешься? — вскрикнул от боли Петруха.

— Он у меня рыбак хороший, — сказал старик гостю. — Рыбой и живем. Продаем и себе хватает.

Богатырь, повернувшись к Неве, зорким уверенным взглядом всматривался в бесконечную водную гладь.

— Знаешь ли ты, старик, что здесь, на этих берегах, царь будет город строить?

— Какой это город? — задрав голову, изумленно взглянул на гостя старик.

— Большой, портовый, торговый, — продолжал богатырь.

— Не можно здесь городу быть, никак не можно! — горячо возразил Артемий. — Слышал я, что царь московский — воин хороший. Знаю, что Орешек с царем взяли. Наш он теперь, русское опять достояние. Часто молюсь Господу за Русь нашу, за царя-государя московского.

— А знаешь царя-то?

— Куда уж мне. Пленник я шведский. В молодости к шведам попал. Так и прожил здесь до старости. Места эти до самой малости изучил. Нет, не быть тут городу.

— Это отчего, старик? — отрывисто, грозно сдвинув брови, быстро спросил Петр Михайлов.

— А ты брови-то не сдвигай. Я у тебя в полку не служу, — храбро крикнул в ответ дед.

— Отвечай, отвечай, — чуть смягчась, проговорил гость.

— Так ведь это даже Петрухе моему понятно. Оттого, милый мой, что люди не рыбы, жабр не имеют и под водой жить не могут. Наводнения-то у нас какие. Все, все затопляет. Деревья по макушку в воде сидят. А ты про город толкуешь.

— Нет, будет здесь город, — твердо сказал капитан. — И там тоже, — он указал на Березовый, и лежащий чуть подальше Лосиный остров.

Петруха, затаив дыхание, слушал богатыря, всем сердцем веря каждому слову: «Город будет! Большой, чудесный! Конец тоске! Да не сон ли все это?»

— Ну, нагородил ты, служивый, — сказал старик, — Если б повыше где. Хоть бы у Орешка того же...

— Вот ты всегда такой, дедко! Ничему не веришь! — вмешался Петруха.

— Цыц! Тоже свой нрав показывает! — прикрикнул Артемий.

— Чем ближе к морю будет город, тем лучше, старик. Великая от него польза России будет. Вон внук-то твой, больше тебя, я гляжу, понимает.

В это время Петруха закричал:

— Посмотрите! Посмотрите! Лодок-то сколько! И все сюда, на Заячий!

С взморья неслась флотилия лодок. На первой лодке стоял человек, одетый в богатый камзол с золотым шитьем, и весело махал шляпой.

— Батюшки, — так и присел к земле дед Артемий. — Да никак это сам царь. В бедноту-то, в убогость нашу! Петруха, что делать будем?

— Где ты царя, старый, видишь? — строго, как на допросе, спросил капитан-бомбардир.

— Да вон же он, вон, шляпой машет!

— Не царь, а псарь он, а верней — пирожник! — хмыкнул с усмешкой гость.

В это время подошли к ним гребцы, вместе с которыми капитан прибыл в рыбацкой лодке. До этого они ждали рулевого, но видя, что беседа его со стариком затянулась, вышли на берег.

— Нет, царь, должно быть! — решил старик, неотрывно глядя вперед. — Уж такой красивый, такой нарядный!

— Что говоришь ты, старый дурень, — услышал он за своей спиной голос одного из гребцов, — ведь царь-то перед тобой!

— Брешешь! Где царь-то?

— Да вот, вот, — громко прошептал другой гребец и кивком показал на дивного гостя. — Вот царь наш, Петр Алексеевич.

Взглянул старик и обомлел. Совсем другого человека увидел он теперь в капитане Петре Михайлове. Стоит перед

ним исполин и смотрит так величественно, гордо, как одни природные государи смотреть могут!

Аж потемнело в глазах у старика. А он-то что себе позволял, как говорил с ним! Только что дураком не назвал!

— Царь-батюшка! Помилуй старого! — завопил Артемий, падая на колени, и, чуть не до земли доставая белой бородой, стал кланяться.

— Встань, встань, старик! — слышит рыбак властный голос. — Встань. Спасибо тебе! Редко кто мне правду в глаза говорит.

Петруха потянул деда за руку.

— Встань, дедко! Слышишь?

А сам он не удивился и не смутился ничуть. Сразу понял Петруха, что не обыкновенный это человек. И не только оттого, что был гость огромного роста. Набравшись храбрости, паренек попросил:

— Государь, возьми на службу к себе! Я лодки водить умею, все ходы-выходы в этих местах знаю...

— Вот оно, молодое поколение! — довольно улыбнулся царь. — Не робкого десятка внучек-то твой! Что же, возьму! Мне такие нужны. Только подрасти чуток.

— Прости его, — пролепетал старик.

Петруха опустил голову. «Подрасти! Будто малец он. Он со всякой работой справляется. Дед сам говорит, что только так, для порядка, с ним на взморье плавает».

— Ну, засиделся я у вас. Вон уже флотилия моя ждет меня! Пристала к берегу.

— А ты, старик, помни, — глянул царь на деда Артемия, — на острове твоём крепость построим. Прощай, тетка, — повернулся он к Петрухе, хлопнув парнишку по плечу так, что тот едва удержался на ногах. — Еще послужишь государю своему! — И быстрыми шагами направился к лодке.

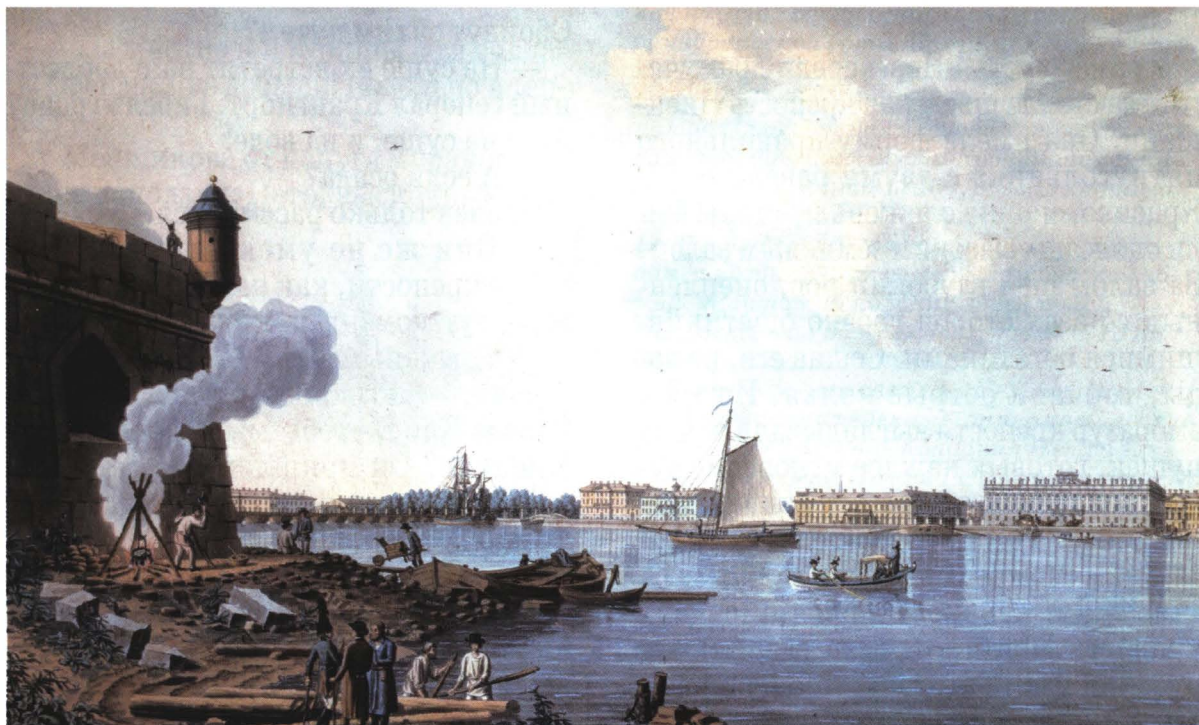

В эти времена на островах, по берегам Невы, густо поросших лесом, было довольно много сел и деревушек с туземным населением — чухной, финнами. Название деревушек говорит само за себя: Анока, Эйкие, Макуря и т. д. Однако были и русские села, в основном, по левому берегу. Например, Спасское село, которое упоминалось под именем «Посада» еще в 1500 году.

Через Невку был остров, который туземцы называли — Корпи-Саари, Дикий, Еловый, ставший потом Аптекарьским островом, одним из красивейших мест Петербурга.

За ним, отделяемый протоком, находился болотистый Березовый (нынешняя Петербургская сторона), с крошечным островком Иени-Саари (Заячий) и Большим островом Хирви-Саари (Лосий), который выходил своей западной окраиной на взморье. Остров Хирви-Саари во времена, когда владели этой землей новгородцы, назывался Васильевским, от имени новгородского посадника Василия Селезня. Петр I вернул ему это название. Левый Невский берег прорезало множество речек: Большая и Малая Невки, Охта, Большая и Малая Охта, Чернявка, Кемь (Фонтанка), Мья (Мойка), Лебедянка, Таракановка и т. д.

Б. Паттерсен
Вид от Петропавловской крепости на Дворцовую набережную (бывший Заячий остров)

ОТКРЫЛИ ДВЕРЬ! Апрель 1702 г.

У самого устья Невы среди дремучего леса стояла шведская крепость Ниеншанц. Она имела форму правильного пятиугольника с двумя рavelинами. Красиво, мощно сложенные стены были опоясаны высоким земляным валом. За валом шел глубокий ров, оцепленный со всех сторон грозно оцетинившимися рогатинами. Со дна его, из воды, торчали острые колья. Из всех амбразур крепости выглядывали жерла пушек, готовых каждое мгновение чугунным градом осыпать противника.

Крепость была совершенством, последним словом фортификации. Шведы считали ее неприступной. Комендант крепости Иоганн Опалев уверял, что русские взяли Нотебург совершенно случайно.

— Моя крепость неприступна, — надменно говорил он собравшимся возле него офицерам. — Посмотрите на эти стены, на дула наших пушек! А дикость и глупость русских...

— Но русские взяли Нотебург! — взволнованно перебил его один из офицеров.

— Слепой случай помог им, — процедил сквозь зубы Опалев. — Случай и только случай! И, кроме того, — тут комендант горделиво поднял голову, — Ниеншанц не Нотебург.

— Вот говорят, что русский царь идет сюда с огромными полками, — уже тише проговорил тот же офицер.

Комендант вышел из себя.

— Но у русских, кроме лодок, нет никаких судов! Подумайте, как могут они пройти под огнем наших пушек. Я сотру их в порошок!

Опалев даже затрясся от злости, и лицо его стало кирпичного цвета.

Тут вступил в разговор пожилой, с глубокими морщинами на угрюмом лице, офицер:

— А если русские пойдут по берегу? Обойдут сухим путем?

— На суше их встретит наш доблестный генерал Крангиорт. Гибель грозит им и на суше, и на воде!

— А если осада?

Опалев только рассмеялся.

— Они же не умеют штурмовать такие крепости, как наша. И кроме того, — тут комендант принял такой горделиво-важный вид, что стал похож на гусака, — позволит ли наш великий король Карл, чтобы мы погибли в Ниеншанце? Он пришлет сюда столько войск, что от русских останется одно кровавое пятно! — грозно прошипел Опалев.

А Петр с тех пор, как взял Нотебург, не знал покоя. Жгла сердце мечта скорее выгнать шведов из приневского края. Сделав важные дела в Москве,

посмотрев, как идут дела на воронежской верфи, примчался он в Нотебург. Сразу же после победы царь переименовал эту крепость в «Шлиссельбург» — ключ-город. И впрямь это был ключ, открывающий русским вход в море.

В Шлиссельбурге стояли русские полки во главе с Меншиковым. Царский любимец не терял времени даром. Уже стояли наготове новенькие суда и барки для предстоящего похода в устье Невы.

— Вот они, красавцы, — хвастливо показывал их царю Меншиков. — Только на воду осталось спустить.

— Невский да Ладожский лед пройдет, и спустим, — ответил довольный Петр. — Как думаешь — возьмем Ниеншанц?

— Не знаю, государь. Ниеншанц еще покрепче Нотебурга будет. Не обломать бы зубов!

Петр нахмурился. Молча, саженевыми шагами направился к казармам, где жили солдаты.

Меншиков, никак не поспевавший за ним, был еще на полпути, когда до него донесся разрывающийся от гнева голос царя.

— Ты мне людей губишь! Эти солдаты Орешек мне добыли! Довольно я терпел!

У Меншикова от испуга мурашки по спине поползли. Петр, выскочив из ка-

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — видный русский государственный деятель и выдающийся полководец, ближайший сподвижник Петра I, генерал-губернатор русской армии.

Вместе с Петром ездил за границу изучать корабельное дело. В 1700 году Меншиков получил офицерское звание поручика бомбардирской роты. Во время Северной войны 1700—1721 гг. отличился во многих боях. С 1703 года Меншиков — первый губернатор Петербурга, руководил строительством столицы и крепости Кронштадт. В Калишском сражении 1706 г. разбил крупный шведский отряд. В Полтавском сражении 1709 года Меншиков командовал авангардом, а позднее — левым крылом русской армии, уничтожил колонну войск и тем способствовал разгрому шведов. С 1718 года — президент военной коллегии.

В течение всей своей деятельности Меншиков выполнял военные, дипломатические и административные задания Петра I.

После смерти Петра I с помощью гвардии провозгласил императрицей Екатерину I. Во время ее царствования фактически возглавлял правительство России. Такое же положение занимал в начале царствования Петра II. Однако в 1727 году Меншиков был арестован и сослан сначала в г. Ренбург, а затем в Березов (Сибирь), где и умер в 1737 году.

зармы, устремился к нему. Лицо его побагровело, черты исказились, глаза метали молнии. Он был страшен как никогда. Оробев, Меншиков попятился назад.

— Прости, государь, — пролепетал он, — не пойму, на что гневаться изволишь?

— Не поймешь? А вот поживешь недельку в казармах, тогда уразумеешь!

Вошедший в казарму Петр увидел лежащих на нарах, изможденных, с желтыми лицами солдат.

Сырые и тесные казармы были переполнены. От духоты и скученности люди умирали десятками. А в Шлиссельбурге были испытанные солдаты, которыми царь очень дорожил.

Гнев царя скоро прошел, но забота осталась. Петр стал искать выход. Он приказал срочно доставить из Москвы парусный холст на палатки. Солдат перевели из казарм на свежий воздух. Никому и в голову не приходило, что это может помочь. Но очень скоро болезни отступили.

Царь ожидал подхода к Шлиссельбургу большого войска во главе с фельдмаршалом Шереметевым. «Здесь за помощью Божьей все готово. Нельзя неприятелю дать предварить нас, о чем после тужить будем», — писал он Шереметеву, который зимовал в Пскове.

И вот боевая гвардия — двадцать батальонов пехоты, два драгунских полка и артиллерийский отряд подошли к Усть-Ижоре.

Здесь Шереметев встал биваком, поджидая царя, который был еще в Шлиссельбурге. Наступление на Ниеншанц назначили на 26 апреля 1702 года. Все ждали Петра. Без бомбардир-капитана начинать военные действия фельдмаршал не решался. Да и солдатам нужно было отдохнуть.

Весь путь по болотистой местности они прошли пешком.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — русский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал. С 1671 года служил при дворе. После прихода к власти Петра I стал его сподвижником. Командовал войсками во время Азовских походов (1695—1696). Во время Северной войны одержал ряд побед: в 1701—1705 годах в Лифляндии при Эрстфере Гумельгофе; в 1703 году овладел Копорьем, в 1704 — Дерптом. В 1710 году войска под командованием Шереметева захватили Ригу. Затем командовал наблюдательной армией на турецкой границе (1712—1713), в 1715 году — 13 корпусом в Померании и Мекленбурге.

Только что расположились солдаты на отдых, как вдруг весь бивак пришел в движение. Все опрометью бросились к берегу.

Так и загудели над Невой тысячи голосов: «Царь! Царь едет!»

Громкое «ура!» загрело по всему биваку, и на тысячи ладов разносило его далеко-далеко над берегами Невы.

Петр, довольный такой встречей, сиял. Он облобызался с Шереметевым и Головиным, главными помощниками и единомышленниками своими.

Головин Иван Михайлович (1672—1737) — русский адмирал, кораблестроитель, сподвижник Петра I. Вместе с Петром изучал корабельное дело в Амстердаме и Саардаме, а затем в Венеции. Участник Азовского похода 1695—1696 годов. Во время Северной войны (1714—1715) командовал отдельными морскими отрядами. В 1717 году был назначен главным кораблестроителем с подчинением ему всех корабельных учреждений и работ.

В 1772 году сопровождал Петра I в Персидском походе.

В 1732 году был назначен командиром Галерного флота.

— Какие новости? Как шведы поживают? — спросил он, обращаясь к Шереметеву.

— Узнал я о сооружении шведами Спасского шанца на левом берегу. Отправил туда людей. Петр на мгновение задумался.

— Знаю, слышал. Земляная крепость у села Спасского. Швед там крепко сидит. Не возьмем — не пройти на взморье. Ниеншанц-то как раз напротив Спасского шанца. Пушки крест-накрест будут стрелять.

И впрямь Иоганн Опалев нашел для земляной крепости превосходное место. Спасский шанец, вышиною в сажень, обнесли глубоким рвом и снабдили пушками. Всякое судно, отважившись спуститься вниз по Неве, превратилось бы в щепки под перекрестным огнем.

На рассвете следующего дня гонец привез радостную весть: Спасский шанец взят.

Услышав это, Петр, взяв с собой Меншикова, первым помчался вперед, к деревушке Вихтула. Вихтула стояла на высоком крутом берегу. Отсюда как на ладони виден был Ниеншанц.

Подойдя к самому обрыву, Петр огромными шагами расхаживал туда-сюда. Неотрывно, сердитым взглядом, рассматривал крепость. Вдруг он резко остановился, погрозил кулаком и громко крикнул:

— Недолго вам осталось!

Вот-вот должны были подойти к Вихтуле четыре роты преображенцев и три роты семеновцев. Услышав плеск весел, царь оторвал взгляд от ненавистного Ниеншанца. Он увидел приближающиеся лодки.

Петр подозвал Меншикова, стоявшего поодаль.

— Знаешь ли ты, что это за место? — с волнением произнес царь.

Меншиков с тревогой поглядел на царя, только что в ярости потрясавшего кулаком, не зная, что ответить.

— На сем именно месте предок наш, святой благоверный князь Александр, прозванный Невским, победил Бигера. Царь победным шагом пошел к берегу.

— Отсюда начну я свое действие против шведов. Если дарует мне Господь победу, в память заложу на сем месте храм в честь святого князя.

— Как, государь? — с изумлением вскричал Меншиков. — Ты хочешь начать действие? Ведь приготовления еще не окончены.

Троицкий собор

На этом месте стоит теперь Александро-Невская Лавра. Сначала в 1710 году был основан монастырь во имя Пресвятой Троицы и св. Александра Невского, и построены первые деревянные кельи для монахов.

В 1713 году построили храм во имя св. Александра Невского. Из Владимирского Рождественского монастыря были перевезены святые мощи благоверного князя.

Большая часть зданий и храмов монастыря построена в период с 1725 по 1731 год.

Именным указом монастырь в 1797 году царь Павел I переименовал в «лаву». При монастыре имелось 12 церквей. Самая большая церковь Александро-Невской лавры — Троицкий собор, который начали строить еще при Петре I.

В церкви Благовещения, тоже заложенной еще при Петре I, похоронен великий полководец Суворов. При лавре существует несколько кладбищ, на которых погребены известные писатели, композиторы и другие знаменитые люди.

На Лазаревском кладбище недалеко от церкви, построенной еще Петром Великим, находится могила Ломоносова.

— Сам хочу пойти в наступление с моей флотилией! — сказал царь.

— Но подумай, твое величество, какая опасность! — принялся отговаривать его Меншиков. — Ишь, из крепости сколько пушек на реку нацелились. Одни щепки от лодок останутся!

Царь махнул рукой.

— Если хорошее дело задумал, и будет польза от него, Бог меня сохранит. Не отговаривай, Данилыч. Сказал, «иду», и все тут!

Меншиков, зная, что все слова теперь напрасны, замолчал.

Тем временем подошли лодки с семновцами и преображенцами. Их было не меньше шестидесяти. Царь сел в одну вместе с Меншиковым.

Лодки двинулись вперед. Шли они врассыпную, то и дело меняя направление. Из Ниеншанца открыли огонь. Но трудно было попасть в такие подвижные мишени. Ни одно ядро не ударило в цель. Все суденышки остались невредимы и быстро скрылись за поворотом реки.

Через лазутчиков Петр знал, что комендант Ниеншанца послал к генералу Крангнорту гонца, требуя подкреплений. Внимательно осматривал царь залив. Целый день наблюдал за взморьем. Шведов не было.

«Пройдет дня два-три, пока подойдет ниеншанцам подмога, — рассчитал он. Спасский шанец теперь наш. Так что мешкать нечего. За два дня возьмем крепость!»

Поздно вечером, вернувшись в Вихтулу, он сочинил ультиматум коменданту Ниеншанца. Требование было одно: сдать крепость.

Стоял самый конец апреля 1703 года. Мягкой младенческой зеленью покрылись деревья. Всюду — в канавках, старицах, лужах и лужицах — синела свежая апрельская вода. Величественно, текла полноводная Нева. «Как чуден

сей край! — думал Петр, глядя окрест Вихтулы. — Мое это будет! Выгоню шведа!»

Он ждал ответ до полудня. Шведы молчали.

Царь снова послал парламентаря. На этот раз получил он решительный отказ.

Гневом засверкали глаза Петра.

— Ну теперь держитесь! — крикнул он и, грозно скомандовал: «Батарея, огонь!» — сам устремился к одному из орудий. С вечера и до самого утра непрерывно били русские пушки и мортиры по мощным стенам крепости. Петр сам стоял у одного из орудий. Ловко наводил и стрелял в цель, с детским нетерпением глядя, куда попало его ядро. Артиллеристы быстро пристрелялись. Летели и летели чугунные ядра. Казалось, этому не будет конца. В крепких стенах Ниеншанца показались первые бреши. С ужасом глядел Иоганн Опалев, как любимое его детище превращается в развалины. А за стенами крепости великое множество русских. Суровое лицо старого коменданта исказила боль. Слезы потекли по щекам.

Опалев понял, что дальше сопротивляться невозможно. Еще

две-три минуты — и Петр приказал бы своим преображенцам идти на штурм. Но тут раздались ликующие крики:

— Сдаются! Шведы сдаются!

Петр взглянул в подзорную трубу и увидел над Ниеншанцем белый флаг.

Русские парламентары после переговоров с Иоганном Опалевым доложили царю:

— Шведы сдают крепость, но весь гарнизон хочет уйти.

— Пусть уходят! — вскричал Петр, не помня себя от радости. — Лишь бы Ниеншанц был моим!

И вот ворота Ниеншанца отворились. Русские войска, с преображенцами во главе, входили в крепость. В их рядах шел царь. Одновременно шведские солдаты ровными стройными рядами выходили из гарнизона. Шли под барабанный бой, с распущенными знаменами.

Петр ликовал.

— Дверь в Европу открыли! — радостно говорил он, глядя вслед уходящим шведам. — Бог даст, прорубим и окно!

ПЕТРУХИНА ПОБЕДА

Давно никто из приближенных царя не видел его таким — полным веселья, ласковым, приветливым. Разгладились морщины на суровом челе, и глаза не мечут грозных молний.

Улеглась буря в душе: сломлен враг, и близок желанный выход в море.

— Ну, чья взяла? — по-мальчишески задиристо кричал Петр, глядя в сторону, куда ушли шведы.

Довольный и радостный, осматривал он крепость.

— Теперь одна у нас забота — укрепиться в этих местах, навсегда осесть. Голос у царя прерывался от волнения, но прежняя мощь и власть звучали в каждом слове.

Только смолкли выстрелы пушек в Ниеншанце, царь приказал спустить с флагштока шведское знамя.

Первого мая шведы выходили из крепости. На площади Петр выстроил свои полки. Из прибрежных деревушек высыпали жители посмотреть на славного московского царя.

Отслужили благодарственный молебен за ниспосланную победу.

После молебна трижды прогремел салют из всех пушек — и русских, и тех, что у шведов отняли. В красивом доме недавнего хозяина крепости Иоганна Опалева начался пир.

Петр праздновал свою вторую великую победу. Веселье кипело ключом. Ходил по гостям кубок за кубком.

— Здорово мы шведов на пушку взяли! А ежели штурмовать пришлось, много бы нас тут полегло, — сказал сидевший около царя фельдмаршал Шереметев.

— Почти без потерь крепость взяли! — поддакнул его сосед, генерал Головин. Петр так и встрепенулся.

— Вот за это и выпьем!

И снова зашумел вокруг царя веселый пир.

Вдруг с улицы послышался шум. Кричал срывающийся мальчишеский голос, не то просил, не то спорил о чем-то.

— Что там, Данилыч? Посмотри-ка и мне скажи, — обратился Петр к Меншикову.

Меншиков быстро вскочил из-за стола и направился к выходу. Все притихли. Теперь уже явственно были слышны восклицания: «по цареву делу», «ни мало ни медля».

— Голос будто знакомый, — произнес Петр.

На его лице отразилось нетерпение.

— Кто там? Что там? — спросил он входящего Меншикова.

— Пустое, государь! Зря от веселья оторвали... Малец, дитя совсем, помнишь, с Заячьего?

— Малец? Какой? Что на службу ко мне просился?

— Он. Талдычит, что у него к твоему царскому величеству дело есть, а какое — никому, кроме тебя, сказывать не хочет!

— Ну?

— Обругал я его да и восвоеси отправил, — небрежно ответил Меншиков. — Ишь, до чего осмелел! Царя ему подавай!

— Вернуть! Сейчас вернуть! Ко мне сюда! — заорал Петр, выкатив на Меншикова бешеные глаза.

Только что непринужденно пировавшие и обращавшиеся с царем как с равным, гости затаили дыхание. Знали они, что такое царский гнев.

Петр тяжело дышал. Он сидел за столом выпрямившись и устремив тяжелый взгляд на дверь. Сжатые кулаки лежали на столе.

— Своевольники! Ослушники! — раздраженно бросал царь.

Наконец, дверь распахнулась, и, отстраняя от себя Меншикова, вбежал Петруха. Выражение обиды, упрямства, злости, испуга смешалось на его лице. Ворот и один рукав на рубахе были разорваны. За ним вбежал бледный Меншиков с двумя гвардейцами.

Петр устремил свой горящий взгляд на Петруху, словно желая проникнуть в самую его душу.

— Царь-батюшка, выслушай меня! — крикнул парнишка, задыхаясь от волнения. — Дело важное!

— Что? В чем дело? Говори!

— От рыбаков я узнал... Шведы за Котлиным островом! На кораблях подходят. Корабли с пушками. Шлюпок много.

Петр, с укором глядя на Меншикова, проговорил:

— А ты его гнал! Дубинкою бы тебя, да жаль времени нет!

— А ты? — Повернулся он снова к Петрухе. — Отчего никому говорить не хотел?

— Боялся я, государь, — быстро ответил паренек. — Вдруг не донесут, чтобы не беспокоить тебя. А время уйдет.

Петр в волнении зашагал по комнате.

— Дедко мой приказал рыбакам, Андриюхе да Николе, к шведам навстречу ехать и за лоцманов у них встать, — продолжал Петруха.

Царь внимательно слушал, остановившись напротив него.

— Еще наказал он рыбакам, чтобы говорили они: царь-де еще в Орешке сидит.

— Сослужили вы мне с дедом службу, — ласково проговорил Петр. — А вы все учитесь, как служить надо, — с презрением повернулся он к своим гостям. — Вот, у него учитесь!

Тут со взморья донеслись пушечные залпы.

— Шведы! Своим сигналам! — крикнул царь, первым выбежав из комнаты. Началась суeta, все повскакали с мест, наперебой крича и выбегая вслед за Петром. Петруха последовал за ними.

Шведская эскадра Нумерса спешила на помощь Ниеншанцу. Генерал Нумерс ничего не знал о том, что крепость уже в руках русских.

— Дать ответный выстрел, — скомандовал Петр. — Пусть думают, что это им шведский король отвечает.

Услышав ответный выстрел, Нумерс встал на якорь, поджидая лоцманов. Кроме небольших судов, эскадра его состояла из двух кораблей: десятипушечного адмиральского «Астрильда» и шестнадцатипушечного «Гедана».

У Петра были только лодки. И все же он решил атаковать неприятельскую флотилию. Вечером, когда стемнело, он вышел со своим помощником Меншиковым из Ниена. Русская флотилия состояла из тридцати лодок.

Наступила ночь. Тихо было в устье. Лишь легкий плеск волн нарушал тишину. Посреди реки мирно покачивались на якорях «Гедан» и «Астрильд».

Все спят. Ни звука не доносится с палубы. Даже часовой задремал. Дремлет и товарищ его — часовой на «Гедане». И не видят они, как в Неву, огибая Лосий остров, вдруг совершенно бесшумно выдвинулась одна большая лодка, за ней другая, третья, четвертая...

Лодки скользят по Неве так тихо, что даже не слышно ударов весел о воду. Вот они уже совсем близко от «Астрильда». Часовой встрепенулся и перевесился через борт.

— Кто идет? — крикнул часовой. Молчание было ему ответом. Он ударил тревогу. Но русские лодки были уже у бортов. Быстро закинули abordажные крюки и багры. В тишине светлой майской ночи загремел первый выстрел.

С борта «Астрильды» раздалась беспорядочная ружейная пальба. Ахнула пушка, другая. Их ядра, пущенные без

прицела, унесло далеко, и где-то там, за линией нападения, они шлепнулись в воду. В ответ на выстрелы с лодок на палубу «Астрильды» посыпались ручные гранаты. Шипя, визжа, разрывались они, приводя в ужас не очнувшихся еще ото сна шведов. Но вот раздалась громкая команда капитана:

— Смелее! «Гедан» идет на помощь! Зададим же русским!

Защитники «Астрильды» ободрились. На палубе завязался упорный бой. Преображенцы один за другим кидались вперед, но дым от пушечных выстрелов и гранат окутывал всю палубу.

С abordажным топором и ручной гранатой в руке Петр бежал впереди своего отряда и первым взобрался на борт. Шведы отчаянно дрались. Но везде, где только начинали они одолевать русских, появлялся великан в мундире капитана Преображенского полка. И валились от его ударов враги.

Шведы не знали, кто это, но вдруг раздался звонкий мальчишеский голос, кричавший по-шведски:

— Сдавайтесь! Или не видите, сам русский царь здесь!

Петр оглянулся и увидел позади себя Петруху, с растрепавшимися вихрами, в лохмотьях от вконец разорвавшейся рубахи.

Напрасно «Астрильда» ждала помощи от «Гедана». Оттуда доносилась пальба, крик и шум рукопашного боя. Там действовал со своим отрядом Меншиков. Даже не подозревая о близости русских, шведы на «Гедане» растерялись. Пушки стреляли как попало, без всякой цели. Поднялась паника.

А к русским спешили лодки со свежими солдатами, которые сидели до этого в засаде на Прутовом острове.

Совсем рассвело. Вышло солнце и озарило своими лучами картину боя. По Неве, уносясь в Финский залив, медленно плыли трупы павших в бою рус-

В. Серов. *Петр I.*

ских и шведов. За Котлиным, спеша уйти дальше в море, быстро снимались с якорей остальные суда эскадры Нурмерса.

«Астрильд» и «Гедан» сдались.

— Убрать трупы, раненых перевязать, палубу вымыть, — скомандовал Петр. — Данилыч, — обратился он к Меншикову, — корабли осмотри, посчитай потери да определи, сколько добычи взяли. И подать мне лодку!

Тут увидел он Петруху, который о чем-то деловито разговаривал с солдатом-новобранцем из местных. Рука его была перевязана.

— Ранен? — спросил Петр, подходя к парнишке.

— Совсем малость, — ответил тот весело.

— По-шведски знаешь?

— Знаю немного.

— Что ты крикнул им? Не понял.

— А что сам царь русский на них идет, и, стало быть, крышка им.

Петр улыбнулся и вдруг, быстро наклонившись, приподнял Петруху и крепко прижал к себе.

— Спасибо, тезка. Твоя это победа. Если б не ты — пропировали бы, пропили Ниеншанц.

Не помнил Петруха, как на земле оказался. Сердце его билось, щеки горели.

А царь повернулся и пошел к спуску, где ожидала его лодка.

НАЧАЛО

I

В конце мая 1703 года царь снова приехал на Заячий остров. Здесь уже кипела работа. Вырубали лес, расчищали место для будущей стройки.

— Одолжи, дружище, башнет твой, — обратился он к одному из солдат.

— Бери, государь, — ответил тот с улыбкой, протягивая кинжал-линейку.

Петр вырезал два продолговатых дерна, положил их крест-накрест и сказал твердо и беспрекословно:

— Быть здесь городу. А имя ему Санкт-Петербург!

Быстро все делалось у царя. Ожила пустынная дикая местность. Закипела жизнь. Лишь забрезжит рассвет после короткой летней ночи — застучат топоры, завизжат пилы. Веселым эхом далеко отдаются голоса и крики рабочих. Там, где недавно стояла одинокая хижина деда Артемия, росли новые укрепления.

Шныряют по Неве между Шлотбургом (так переименовал Петр Ниеншанц) и устьем лодки, челноки, баржи.

Спешно идет стройка и на другом, Берцовом, острове. Выросли на окраине его маленькие двухэтажные домики. Не похожи они на обычные русские избы. Длинные, многооконные, с черепичными кровлями. В один из таких домов переселились и Петруха с дедом. Они теперь не простые рыбаки, а рыбные ловцы. Поставляют улов для царской кухни. И царское жалование им за это платят. Но как только выдастся свободная минутка, Петруха бежит на стройку. Сколько народу! Со всей России мастеровой люд собрали: плотников, столяров, каменщиков.

И солдат тьма-тьмущая. Вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Ф. Алексеев. Вид на Английскую набережную

Ф. Алексеев
Вид на Адмиралтейство и Дворцовую набережную от Первого кадетского корпуса.

Санкт-Петербург называют «северной Венецией». И в самом деле, город построить, где все: болота, острова, леса, даже вода — стало огромной строительной площадкой для будущего великого города.

II

Во второй свой приезд, осмотрев Заячий остров, царь переправился на Березовый. Долго бродил по берегу с топориком в руках. Быстрым взмахом срубал упрямые ветки, торчащие рогаatinaми суки. Искал место, откуда видно ему будет все, что делается на работах. Наконец, облюбывал одно. Обрубил топором прибрежные кусты ракии и пошел дальше. Пройдя немного, снова остановился. Осмотрелся и расчистил еще кусочек земли.

Здесь, в саженьях двухстах от переправы на Заячий, поставил солдат-плотник царю небольшой одноэтажный домик.

Узкие сенцы вели в две небольшие комнаты. Стены и потолок их обили парусным холстом. Одна комната служила кабинетом и приемной, другая — столовой и спальней. В кабинете стоял стол, скамейки и кресло, сделанные самим царем. На стене висели плотничьи инструменты.

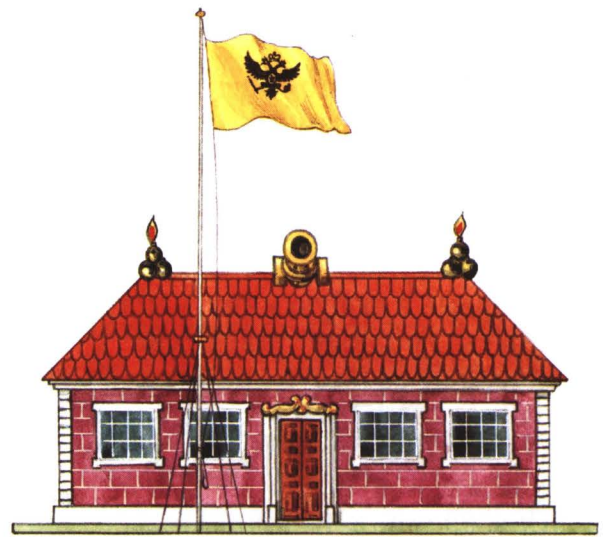
Снаружи стены раскрасили масляной краской под крупный кирпич, как красили в то время свои дома голландцы. Окна закрывались ставенками густо-вишневого цвета. Крышу покрыли красными деревянными дощечками, так что издали она казалась черепичной. На конек кровли приделали деревянную модель мортиры, а на углах — раскрашенные багровыми языками пламени деревянные ядра.

Мортиры и ядра говорили о том, что хозяин дома носил звание бомбардира.

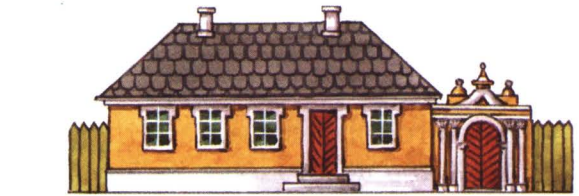
Рядом с домиком Петра стоял высокий шест. На нем развевался желтый штандарт с черным двуглавым орлом, держащим в клюве и лапах карты трех русских морей.

У домика на берегу стояла лодка, которую царь сделал сам. Только и всего.

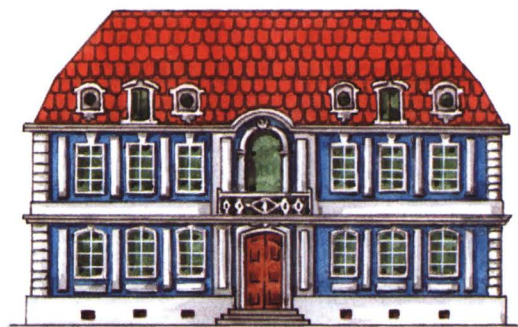
Но Петру и этого было довольно. Не до роскоши было. Приходилось спе-

Домик Петра I

Дом горожанина

Дом знатного вельможи

Путейное заведение

шить. Видел он, что с тревогой посматривают люди на взморье.

— Шведов ждете? — словно дразнясь, спрашивал царь.

— Что его ждать, он и сам придет, — отвечали ему те, кто посмелее.

И впрямь в любую минуту могли нагрянуть грозные шведские суда. По щепкам разнесут они наскоро выведенные казармы и бастионы. Укрепления пока состояли только из земляных валов.

Да и времени-то прошло всего несколько недель. А уже высится вал и шесть бастионов-раскатов. На каждый раскат Петр приставил надежного человека. А один под свое наблюдение принял. Этот бастион так и называли — «государев». Он выходил прямо на Неву.

Влево от государева раската трудился губернатор нового края — Меншиков. Царский любимец был плутоват, но и работать умел. И царь был им пренежного доволен.

Раскат в середине — на Неву — строил двоюродный брат царя Кирилл Алексеевич Нарышкин. Напротив его, на Березовом, возводил свой бастион Гаврила Иванович Головин.

Еще два раската возводили князь Юрий Юрьевич Трубецкой и старый наставник царя Никита Моисеевич Зотов.

Так их именами все раскаты и называли.

Сердце Петра переполняла гордость. Быстро работа подвигалась. Как бы там ни было, а крепость на Заячьем есть. И на Лосьем тоже укрепления строились.

Пригодились здесь пушки, что царю вместе с Ниеншанцем от шведов достались.

— Березовый остров «Городским» будет прозываться, — заявил Петр, обхаживая в очередной раз свои владения. — Лосиному древнее его имя возвращаю: «Васильевский» отныне будет, как нов-

городцы его именовали. Купцов буду на нем селить, чтобы ближе им было с прибывающими судами сноситься.

Царь Петр внимательно вглядывался в лица рабочих, солдат, близких своих. Молчали они, но Петр видел: не верят, что может быть здесь город. Пока лето, все ничего, а вот что будет, когда осень придет. Вода разольется, потопит все. А там и швед нагрянет.

Стройка шла так спешно, что в конце июня в нее перешли полки, что стояли под Ниеншанцем. Внутри крепости, во всю ее длину провели канал. Четыре ряда домиков стояло по обеим сторонам, отражаясь в его водах. Здесь и разместили полки.

III

Приближались государевы именины. Все начальные работы были сделаны.

— Великое торжество устрою, — с довольной улыбкой говорил царь своим помощникам. — Храм Божий заложу, а тем самым и город мой новый!

Быстро разнеслась новость по полкам да рабочим бригадам.

«Желает государь во имя тезоименных ему апостолов храм возвести!» — говорили друг другу люди. — То-то праздник будет!»

И вот этот день настал.

Едва забрезжило свежее июньское утро, как вся Нева покрылась лодками. Отовсюду собирались они к Заячьему острову. Бежали по взрезанной водной глади юркие челноки, плавно покачиваясь, шли тяжелые рыбные ладьи; гордо и величаво плыли стройные суда военной флотилии.

Повысыпали из лесных дебрей да дремучих трущоб жители привзморья: финны, чухна, карелы. Много народу пожаловало из русских деревень.

Из-за высоких валов новой крепости доносился раскатистый гул задорных голосов. Это готовились к встрече своего капитана-бомбардира царские любимцы — гвардейцы. Вытянувшись, в парадной форме стояли войска. Знамена распущены, барабанщики выдвинулись вперед. Часовые неподвижно замерли на своих местах. На раскатах, каждый на своем, стояли строители.

Петруха с другими молодыми рыбаками тоже пришел поглазеть на невиданное зрелище. Лицо паренька от волнения покраснело, рот приоткрыт,

синие глаза так и бегают во все стороны. Гордость распирает парнишку, и не верится: неужели это их с дедкой Заячий?

Протиснулся сквозь плотно стоящую толпу зрителей вперед, туда, где лежали сложенные крестообразно две дёрнины.

На этом месте стоит теперь живая арка: две длинные гибкие березы, стянутые кронами, образовали ее. Под сводами этой бело-зеленой арки стоит высокий столик с наклонной крышкой для Евангелия — аналой. Квадратная каменная доска с выпуклой вязью букв на нем лежит.

— Что начертано, какие такие слова? — спрашивают из толпы. — Петруха, ты у нас грамотей, а ну, давай читай!

Петруха наклонился над аналоем и протяжно, по-молитвенному прочитал: «От во-пло-ще-ния Ии-су-са Христа 1703 мая 16 ос-но-ван го-род С.-Пе-тер-бург ве-ли-ким го-су-да-рем Пет-ром Алек-се-еви-чем, са-мо-держ-цем все-рос-сий-ским».

Вдруг над Невой словно гром прогремел.

— Батюшка-царь! Государь плывет! Петр Алексеевич! Вон он! — неслось со всех сторон.

Петруха поднял голову.

Из-за колена Невы прямо на Заячий двигалась длинная вереница лодок.

Крики смолкли, как только с лодок стало слышно молитвенное пение. Чудесно оно было! Петруха бывал с дедом в церкви на Спасском погосте, слышал пение молитвенное, но тут не то! Парят над водой светлые звуки, освещая чистую невскую воду. Словно не певчие это, а ангелы поют.

Развеаются на лодках хоругви, сияя образами. Красота-то какая!

С жадностью всматривался паренек в приближающиеся лодки. Сжалось сердце, когда увидел, как скользит по голубой глади большая, богато украшенная ладья. У руля стоял сам Петр.

И снова показался он Петрухе сказочным богатырем. Но каким простым, живым было лицо царя!

За рулем на высоком сиденье, прижимая к груди золотой ковчежец, сидел митрополит новгородский Иов. Петруха, конечно, не знал, кто это. Его поразила сияющая риза митрополита. «Уж не сам ли Господь плывет на царской ладье? А сундучок-то! Весь золотом сияет!» И тут он услышал несущийся отовсюду говор:

— Митрополит, говорят, из Новгорода... Ковчег с частицами мощей святого Андрея Первозванного везет.

Толпа заколыхалась в едином порыве, устремясь вперед.

Тихо подошли ладьи к пристани. Вышел на помост крестный ход и с молитвенным песнопением направился к зеленой арке.

Там уже собрались строители раскатов. Впереди, встречая крестный ход, стоял сын Петра, царевич Алексей.

Петр встал с ним рядом. Начался молебен. Плавно лились в воздухе голоса

певчих. Новгородский митрополит священнодействовал на земле, которая с седой древности принадлежала Великому Новгороду. После водосвятия царь выступил вперед.

— Господи, благослови! — раздался его могучий голос. Царю подали заступ. Перекрестившись, он принял его. Торжественным шагом подойдя к месту, где лежали крест-накрест два дерна, стал копать землю. Он копал легко, поднимая и отбрасывая в сторону тяжелую влажную землю.

Вдруг какой-то шум, говор, движение началось вокруг. Люди заговорили сначала потихоньку, затем все громче и, наконец, закричали, на что-то указывая друг другу.

Петр резко выпрямился и оглянулся.

— Батюшка, гляди-ка! — воскликнул царевич Алексей, — на небо взгляни, батюшка!

Царь поднял голову. Высоко-высоко в поднебесье, широко распустив могу-

чие крылья, летел орел. Царь передал заступ царевичу, а сам еще несколько минут не спускал глаз с высокого неба.

В выкопанный ров поставили ящик, высеченный из камня. Под молитвенное пение Иов окропил его святой водой. Петр принял от владыки ковчег с мощами и поставил в ящик. Сам прикрыл ящик доской с надписью о закладке нового города и насыпал первый слой земли.

— Сооружается храм во имя святых апостолов Петра и Павла, — произнес Петр и передал заступ сыну. — Да помогут они своими молитвами благополучному окончанию дела. Да ниспошлет Господь на врагов одоление, а городу, заложенному здесь, всякое добро!

Вдруг словно стон услышал он за собою. Тысяча голосов зашумели, загалдели на все лады. Все еще паривший высоко в воздухе орел, описывая круги, стал спускаться ниже, ниже...

— Тише! — крикнул Петр, и все замерло.

Чем ближе к земле, тем меньше и меньше делал орел круги. Вот он уже совсем низко. Все замерли, ожидая, что будет дальше.

Орел взмахнул в последний раз крыльями и грузно опустился на зеленую арку. Поворачивая свою красивую голову из стороны в сторону, он с удивлением глядел, словно недоумевая, что происходит перед его глазами.

Поглазев так несколько минут, орел расправил крылья и взлетел в небо.

Лицо Петра озарилось.

— Вещее предзнаменование! — произнес он. — Орел ведь на гербе царства моего. Как и не быть здесь царствующему граду!

По знаку Петра крестный ход направился к раскатам. Митрополит окропил святой водой все сооружения.

Царь благодарил строителей, поздравил гвардию с новосельем.

До двух часов ночи гроыхали над Невую пушечные выстрелы из Санкт-Петербургской крепости. Солдаты и рабочие веселились так, что их крики заглушали салютные выстрелы. На козлах-столах было выставлено обильное угощение. Вино, медовуха, хмельная брага текли рекой.

Салютовавшим пушкам Санкт-Петербурга вторили пушки Шлотбурга, где праздновал основание города и свои именины царь Петр.

Вскоре после закладки в 1706 году Петропавловского собора, была построена небольшая деревянная церковь об одном шпиле.

А в 1712 году началось строительство большого каменного собора. Наружные стены возводились вокруг деревянной церкви так, что они постепенно скрывали ее, образуя каменный колпак.

Первый шпиль собора был деревянный. На колокольне установили голландские часы — куранты. Пожар 1756 года уничтожил деревянный шпиль и колокольню с ку-

рантами. Пострадало и внутреннее убранство собора.

В 1858 году поставили металлический шпиль, сохранив его восьмигранную форму. Внутри, на две трети высоты, устроена винтовая лестница, ведущая к люку, откуда можно забраться на самый верх шпиля.

Шпиль украшен золоченым «яблоком» — сферой и фигурой ангела с крестом. Он исполнен из листовой меди по рисунку архитектора А. Ринальди. (Диаметр «яблока» 1,7 м, высота ангела — 3,48 м; размах крыльев — 3,56 м, вес ангела с крестом — 250 кг.)

Чтобы сильный ветер не повредил фигуру, ангел был установлен как флюгер, вращающийся вокруг укрепленного неподвижного креста.

В Санкт-Петербурге, название которого означает «город Святого Петра» в честь святого, имя которого носил Петр I, много зданий, богатых в архитектурном отношении, но Петропавловский собор прост по архитектуре и скромно внешне. Но внутренность собора богато украшена: великолепная роспись, позолота, резной золоченый иконостас, который является уникальным памятником резьбы по дереву.

В Петропавловском соборе захоронены русские императоры. Справа от южного входа в собор — надгробье Петра I, который сам избрал это место.

Ф. Алексеев. Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости

По указу 1 марта 1704 года на работы в Петербурге должны были явиться рабочие из 85 мест, не менее 40 тысяч работников со своим инструментом. Из них образовали три смены. Каждая смена работала по два месяца, начиная с 25 марта. На каждого работника земство обязано было дать «подмоги» по 2 рубля на человека и на наем подвод.

В первые годы сбор «рабочих людей» производился так: брали с десяти дворов одного работника, а позднее уже брали работника с семнадцати дворов. С дворов, не выставлявших работника, производился сбор в 10 тысяч рублей, которые должны были поступать в Поместный приказ.

Вся Россия участвовала в строительстве будущей северной столицы, помогала и людьми, и средствами.

Кроме того, на строительстве Санкт-Петербурга было много пришедших калмыков, татар, казаков с Дона и Яика, с Урала, пленных шведов и финнов.

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Домик на Березовом, где жили теперь дед Артемий и Петруха, по сравнению с прежней хижинкой, был просто дворцом — светлым, просторным. Старик, сильно простудившись на реке ранней весной, то и дело прихварывал. Он уже больше не ходил с Петрухой на взморье. Хозяйничал дома, плотничал понемногу, часто ложился отдохнуть на полати или садился на свежевыструганную лавку и, скучая, глядел в окно.

Подолгу сидел Артемий, задумываясь о жизни своей, изумляясь все новым переменам, к которым не успевал привыкнуть. Когда становилось чуть полегче, выходил к Неве. Смотрел старик, как тянулись на взморье, к югу Котлинского острова, бесчисленные подводы с камнями да ряжами — огромными бревенчатыми ящиками. Ряжи сколачивали прямо в лесах Лосьего и Прутового островов. Отсюда было ближе доставлять их на взморье. Там ряжи наполняли камнями и опускали на дно песчаной отмели. Ящики грузно тонули, под собственной тяжестью оседая на отмель.

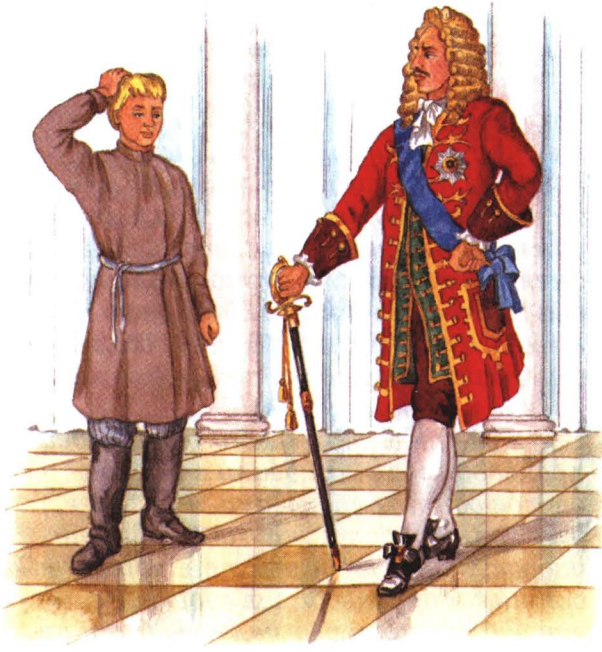
— Скажи ты на милость, — сердито спрашивал дед Артемий внука, возвращаясь в дом, — что это царские люди тут затеяли?

— Остров делают!

— Остров? А для чего?

— Крепость на нем будет, шведов

не пускать. Сам царь приказал.

Старик, покачивая седой головой, хмурился еще больше.

— Ох, не Божье это дело! Оттого и люди гибнут, как мухи осенью... Нет, не Божье дело!

Старик все чаще вспоминал родину. И солнце на Руси другое, и земля другая. Одно слово — Святая Русь.

— Не судил мне Господь помереть на родной стороне, — говорил он печально. — Петруша, видишь под божницей ладанку? — указывал он в передний угол, где на божнице стояла большая икона Спасителя.

— Вижу, дедко, а что?

— В ней берегу я землю родную. Как уезжал, положил горсточку. Слово чувствовал, что не вернусь.

Дед часто заморгал.

— Ну что ты, дедко! Хвораешь, вот и мысли у тебя такие печальные.

Петруха с жалостью поглядел на старика.

— Ну хватит, хватит, дедко!

— Когда помру, на глаза и на грудь мне ее насыпь. Легче мне тогда в чужой земле лежать будет.

И дед расплакался.

— Ну что ты, ровно дитя у меня, — сердито уговаривал его Петруха. — Тут такие дела пошли, а он умирать собрался!

Вдруг дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился один из рыбаков, с которым Петруха рыбачил.

— Петро! — крикнул он. — Сам хозяин тебя вызывает.

— Как это сам хозяин? — не поверил Петруха.

Хозяином называли Меншикова, которого царь оставил за главного в Петербурге.

— А вот так. Где, говорит, этот лихой моряк с Заячьего, дедов внук...

— Да пошли же скорее! — нетерпеливо крикнул рыбак, видя, что Петруха не двигается с места.

Меншиков встретил Петруху ласково. Расспросил о старике, о том, как они на новом месте устроились.

— Помню, помню, как из-за тебя государь меня чуть дубинкой не попотчевал! — смеясь, говорил Меншиков. — Вот что, парень, знаю я, что ты сейчас в рыбных ловцах состоишь. Так говорю?

— Так, вроде.

— Дело у меня к тебе. Важное, государево.

Петруха с любопытством смотрел на Меншикова.

— Будешь со своими рыбными ловцами следить за появлением шведских судов на взморье. Если что — немедленно докладывай коменданту. Или мне лично.

Меншиков важно, по-царски взглянул на парня.

— Говори, по сердцу дело такое?

— И по сердцу, и послужить рад, — с искренней радостью ответил Петруха. — Я ведь еще когда к государю на службу просился.

— Служи, служи. Ты человек надежный. Назначаю тебя старшим над ловцами. Только смотри. Дело тебе поруче-

но важное. Прозеваешь шведов — беда.

— Не прозеваю! Не на того нарвались! — браво ответил Петруха.

— Ну, то-то, смотри!

Петруха шел домой, не чуя под собой ног.

— Ну, дедко, я теперь на государственной службе, — крикнул он, входя в избу.

— Расскажи, — слабым голосом попросил старик с полатей.

— Сам Александр Данилыч Меншиков вызывал. Старшим над рыбными ловцами поставил. Будем на взморье шведов караулить. Чуть что — должен я без промедления коменданту Рену докладывать.

— Какой же ты, Петруха, у меня складный да ладный вышел! — с радостью проговорил старик. — Наградил меня Господь за все страдания. Большим ты у меня человеком будешь, Петруша! Чувствует мое сердце!

Е. Лансере

Петербург в XVIII веке.

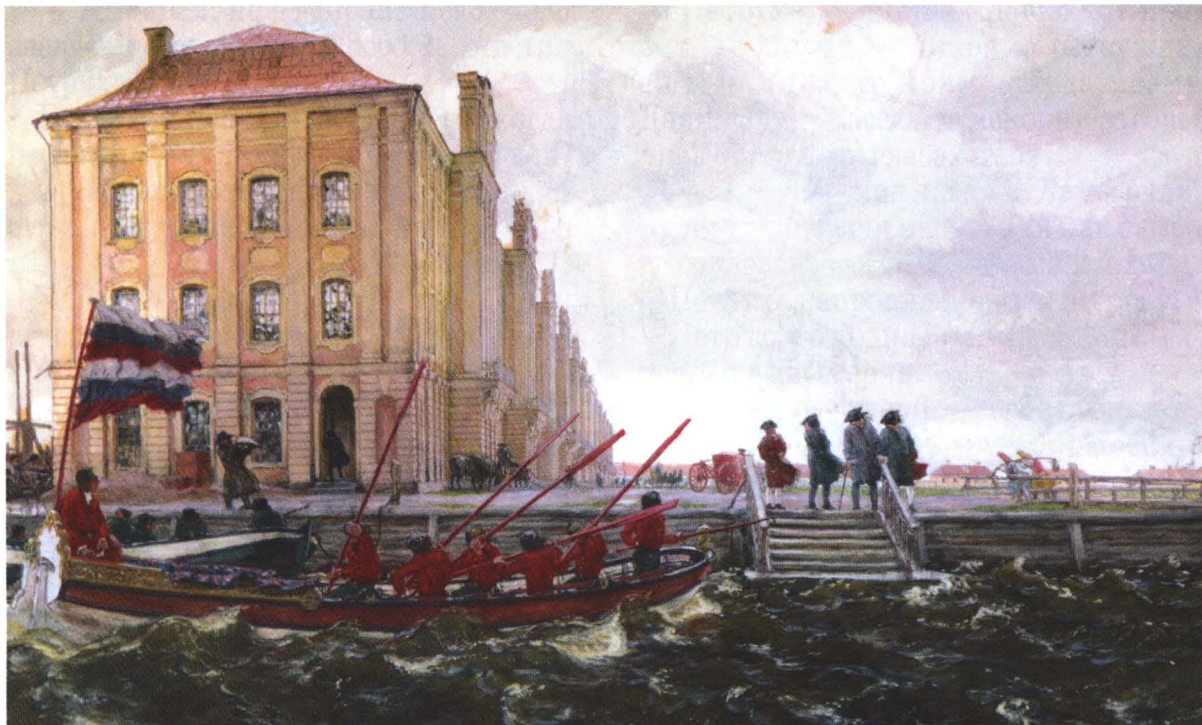
Здание Двенадцати коллегий.

ЦАРСКИЙ РУЛЕВОЙ Ноябрь 1704 г.

Прошло несколько лет, как стал Петруха начальником над рыбными ловцами. Из шустрого забавного парнишки превратился он в крепкого подтянутого юношу, спокойного и рассудительного. Четко работала его артель. Зорко следил Петруха с товарищами за взморьем. Ни разу не прокараулили они шведов, которые не могли смириться, что весь приневский край теперь в руках русских. Не однажды подходили к Петербургу шведские эскадры адмирала Акерстмерна, Нумерса, Депру, но всякий раз с Божьей помощью отбивали их русские отряды.

Незаметно для себя артельщики подчинились своему старшему, всегда приветливому, находчивому, хорошо знающему дело.

Петруха не давил на своих товарищей, его команды больше походили на шуточные просьбы. Может, оттого рыбаки исполняли их с удовольствием.

Редко кто называл его по старой памяти Петрухой, все больше Петром, а то и по батюшке, Петром Николаевичем.

Уж не новостью было начальнику рыбных ловцов ходить в дом коменданта Рена, а то и к самому Меншикову с докладами.

Вот и сегодня спешил он прямо с пристани к хозяину Петербурга, который просил быть его немедленно.

— Ну что там господа-шведы со своим Нумерсом поделявают? — спросил он юношу после приветствия.

— Шведы как будто уходить собираются, — четко, по-военному доложил Петруха. — Они ведь «ладожского сала», как черт ладана, боятся.

«Ладожским салом» русские называли первые льдины, принесенные Невою с Ладоги. Зима 1705 года наступила ранняя, и застрять во льдах Нумерс бо-

ялся больше всего. Через несколько дней шведы действительно ушли со взморья до весны.

Это было как нельзя кстати. Нумерс ушел со своей эскадрой в середине октября. А дня через три к Петербургу со стороны Ладоги подошла другая флотилия.

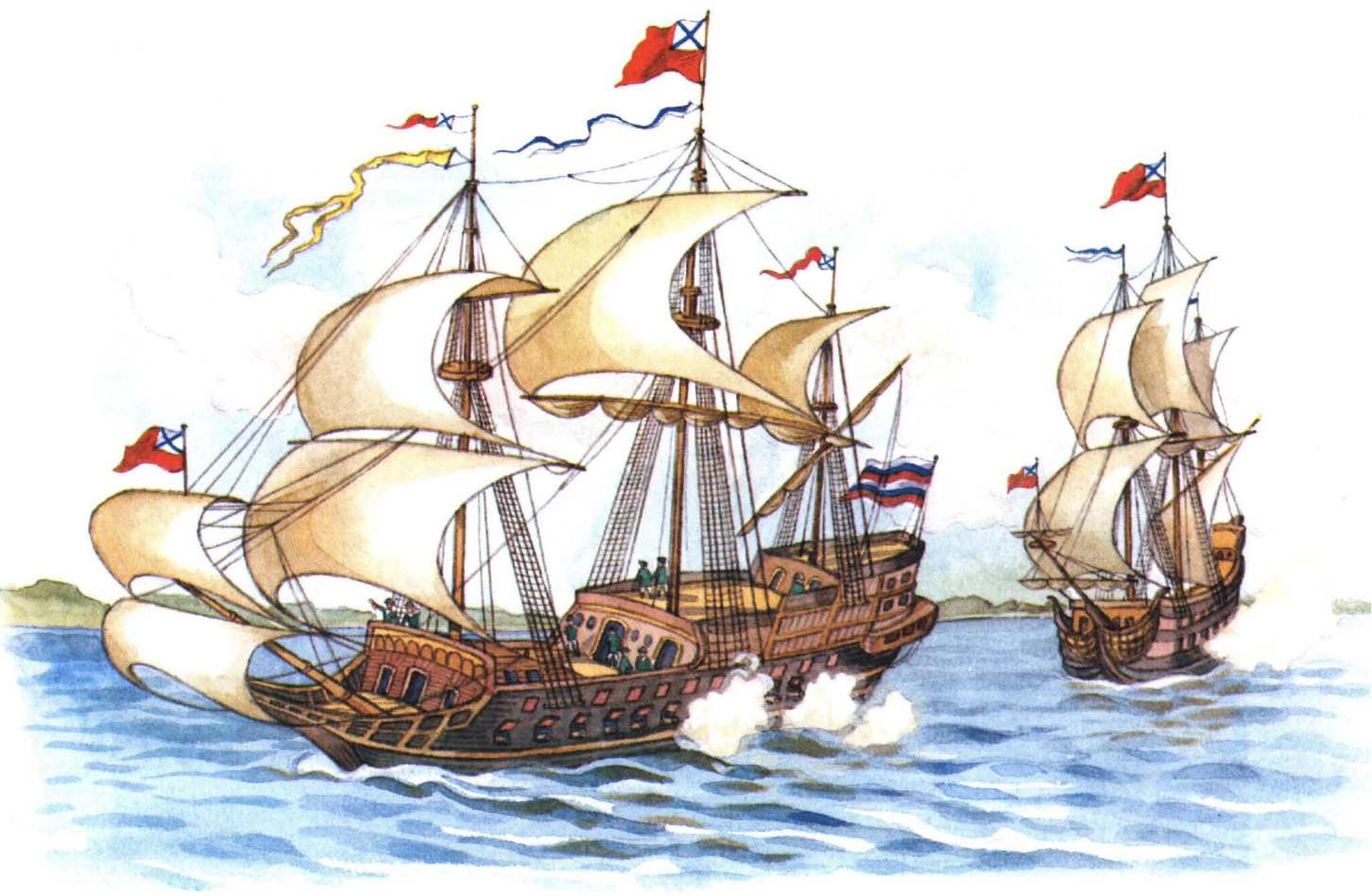
Это царь Петр привел новые, только что спущенные на воду суда. Впереди всех шел царский фрегат «Штандарт». За ним следовал галиот «Соль». Дальше, словно мелкие слуги за царем и царедворцами, семенили мелкие шняки и одномачтовые морские суденышки — буера. Это было невиданное доселе зрелище.

— Вот это да!

— Красавцы какие!

— Запляшут теперь шведы!

— Что говорить, грозная флотилия! — Слышались голоса рыбаков и строителей, глядевших с берега.

На следующий же день, Петр на своем фрегате «Штандарт» выехал в залив. Сопровождал его как всегда веселый, беззаботный Меншиков.

Лишь только «Штандарт» вышел в устье, около него очутилось с десяток рыбацких лодок.

— Это чьи? — воскликнул Петр. — Кто такие?

— Твоего величества рыбаки — ловцы! — ответил Меншиков. — Хорошо служат! Через них нам каждое движение шведов ведомо. А за старшего у них, государь, знакомец твой, сын старого рыбака с Заячьего. Лихой моряк!

— А, помню, помню, — живо отозвался царь. — Мне-то его теперь и нужно.

По царскому приказу Петруха взшел на фрегат. Не робкого он был десятка и за словом в карман не лез, а все ж забилося сердце, когда оказался перед царем.

— Хорошо устье знаешь? — спросил Петр, пытливо вглядываясь в молодца. — Ишь, красавец какой вырос! Ни дать, ни взять адмирал!

— Адмирал, не адмирал, а свое дело знаю! — поборов первую робость, ответил Петруха.

Помнил он, что не любил царь, когда перед ним мямлили да смелость теряли.

— На вопрос-то мой ответь, будь милостив, — чуть не кланяясь, насмешливо попросил Петр.

— Вырос тут, государь! Как мне устья не знать? Каждую отмель, каждый камешек знаю.

— Становись к рулю, за лоцмана. И каждый раз на руле будь, как я сюда выезжать стану.

Так и было. Каждый день выезжал на взморье Петр, не обращая внимания на плававшие в заливе льдины. И всегда во время этих поездок Петруха был с царем. Петр объехал все острова.

— Не место верфи за Ладогой, доро-

А. Боголюбов. Петербург при заходе солнца

гой мой адмирал, — обращался он к своему лоцману. — Раз в устье Невы будет большой город, так и верфь должна быть к нему как можно ближе. Понял?

— Как не понять. И дураку понятно, — рассудительно отвечал Петруха, уже привыкший говорить с царем как бы на равных. — Найдем, государь. Обязательно найдем подходящее место.

Две недели продолжались поездки по островам. Часто беседовал Петр со своим рулевым. И не раз дивился: до чего бойкий умишко достался этому рыбацкому парню-сироте.

— Шустер ты, брат, — сказал он как-то Петрухе, глядя как ловко тот правит. — Моряк — лихой, а рассуждаешь — министр прямо. Куда моему Данилычу! — веселые искорки загорелись в больших глазах царя.

— Вот что решил я, тезка. Да ты рули, рули, — крикнул царь, видя как замер его рулевой. — На Лосьем выйти хочу.

Петруха направил лодку к острову.

Петр долго ходил по Лосьему, высматривая да вымеряя.

— Учиться будешь, — сказал он, когда вернулись они в лодку. — В Москву, в навигационную школу поедешь!

— Не могу я, государь, — осторожно проговорил Петруха, боясь быстрого царского гнева.

— Это почему, пустая твоя голова? — резко спросил царь. — Прикажу — поедешь!

Адмиралтейство — крепость-верфь была заложена 5 ноября 1704 года.

Как крепость она существовала до 1820 года, а как судостроительная верфь полтора столетия — до 1844 года.

Первое деревянное Адмиралтейство было сооружено по замыслу и чертежам самого Петра I.

На обширном участке левого берега Невы располагались доки, эллинги, сараи, кузницы. Адмиралтейский дом стоял в глубине участка. От него к реке подходили низкие боковые корпуса, покрытые черепицей, выстроенные из дерева. Со двора они представляли собой открытые галереи. На внутреннем дворе, кроме эллингов, стояла «камора», в которой изготовлялись в натуральную величину чертежи кораблей.

От Невы были прорыты два канала: внутренний, обводящий сооружение изнутри, и внешний. Помимо этого, верфь-крепость с внешней стороны была окружена глубоким сухим рвом, со дна которого торчали острые колья. За рвом проходил высокий земляной вал с пятью бастионами, на которых стояли пушки. За валом были расставлены рогатки.

В 1719 году царь расширил «мастерские палаты», причем строительство велось в камне. К работе привлекли голландских мастеров. Голландцу ван Болесу, «щипных и кровельных дел мастеру», была поручена достройка адмиралтейского шпиля.

С ним трудились русские мастера, установившие часы на башне. Шпиль обили железом, башню укрепили деревянными колоннами, кронштейнами и четырьмя фигурами орлов.

Первым на адмиралтейской верфи был построен 18-ти пушечный бомбардирский корабль, спущенный на воду 29 апреля 1706 года. В следующем году Петр I лично заложил 54-х пушечный линкор «Полтава», а после взятия Выборга — линкор «Выборг».

Всего при Петре I было построено на адмиралтейской верфи 262 военных корабля, вооруженных 2106 пушками.

После перестройки Адмиралтейства стройная трехъярусная каменная башня с золоченым шпилем, вознесенным на высоту 72 метра, стала главным украшением левобережья столицы.

Второй ярус башни перекрывался золотым куполом, в который были вре-

заны четыре циферблата часов с сияющими коронами.

Над куполом возвышался легкий изящный фонарик. А на барабане крепился высокий стройный золоченый шпиль. Он завершался яблоком (сферой), короной и корабликом-флюгером. Коровское Адмиралтейство было заложено в 1738 году.

После сильного наводнения 10 сентября 1777 года по указу Екатерины II в Адмиралтействе была учреждена сигнальная пушка. Выстрелом из нее оповещали жителей о наводнениях. На башне били в колокол и вывешивали флаги, а ночью зажигали фонари.

Адмиралтейство в форме растянутой буквы «П» раскрыто в сторону Невы. Боковые корпуса соединяются с главным зданием, обращенным к городу. Они представляют собой кубической формы павильоны с арками. От реки под эти арки и дальше, огибая все Адмиралтейство, проходил канал. По нему суда входили в эллинги для ремонта, а отремонтированные или новые спускались в Неву.

В главном здании размещались служебные и парадные апартаменты. Башня, сооруженная по проекту Захарова, без изменений сохранилась до наших дней.

Е. Лансере. Корабли времен Петра I

— Кому же я деда своего оставлю? Один я у него, и он у меня один. А тут еще хворать стал. Годы-то немалые...

— Задал ты мне задачу, — уже мягче проговорил царь. — Только я никогда от своего слова не отступаю. Вот дед-то твой что говорил? Не будет, мол, здесь города. А теперь сам в моем городе живет!

Возвращаясь домой после последней поездки, Петруха с порога крикнул:

— Знаешь, дедко, где новая верфь будет?

— Никак нашел царь место? — отозвался старик, поднимаясь с полатей.

— Нашел. Где только ни побывал, все не по сердцу приходилось. И на Прутовом, и на Овечьих, и Лосий весь обошел, а облюбował совсем близехонько.

— Где же?

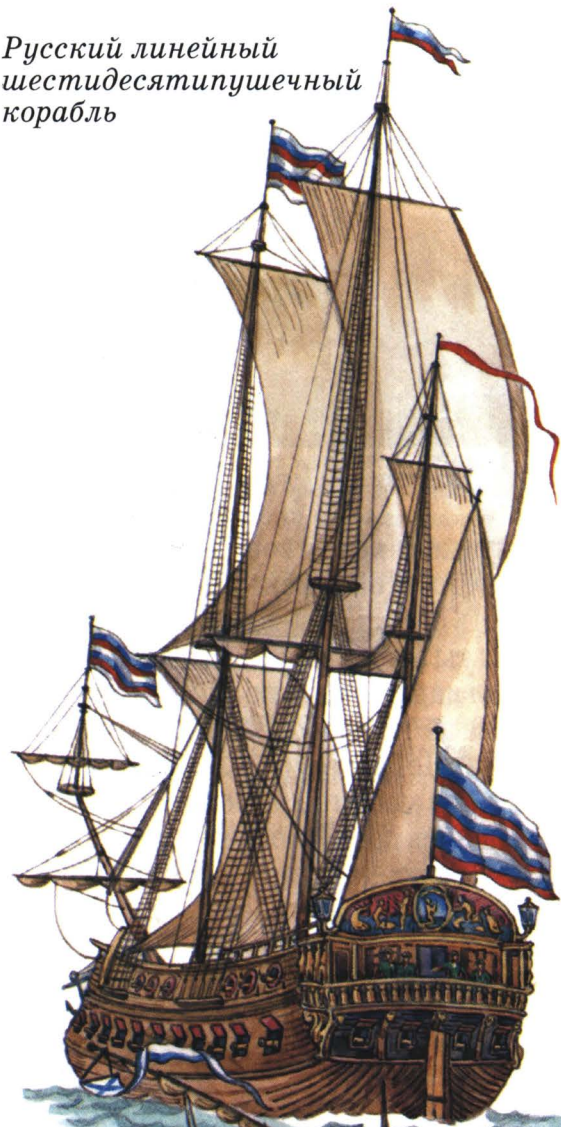
— Да на Московском берегу, где дорога на Москву, наискось крепости.

— Это где же? Не пойму...

— Против Васильевской стрелки как раз — вот где! Говорит царь: мол, так из крепости можно за работой наблюдать. А если шведы в Неву прорвутся, батареи на Васильевской стрелке их такими гостинцами встретят, что живо уберутся.

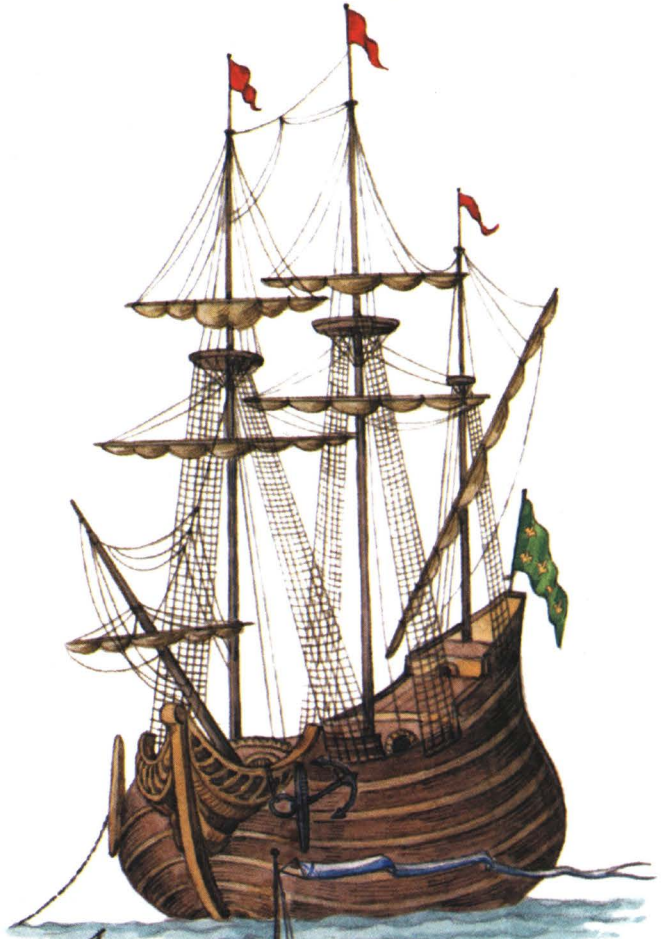
Действительно, царь для новой верфи избрал место на левом берегу, под дулами пушек Петербургской крепости и батарей Васильевской стрелки, где сразу же заложили адмиралтейский дом.

*Русский линейный
шестидесятипушечный
корабль*

КОРАБЛИ ВРЕМЕН ПЕТРА I

Французский флейт

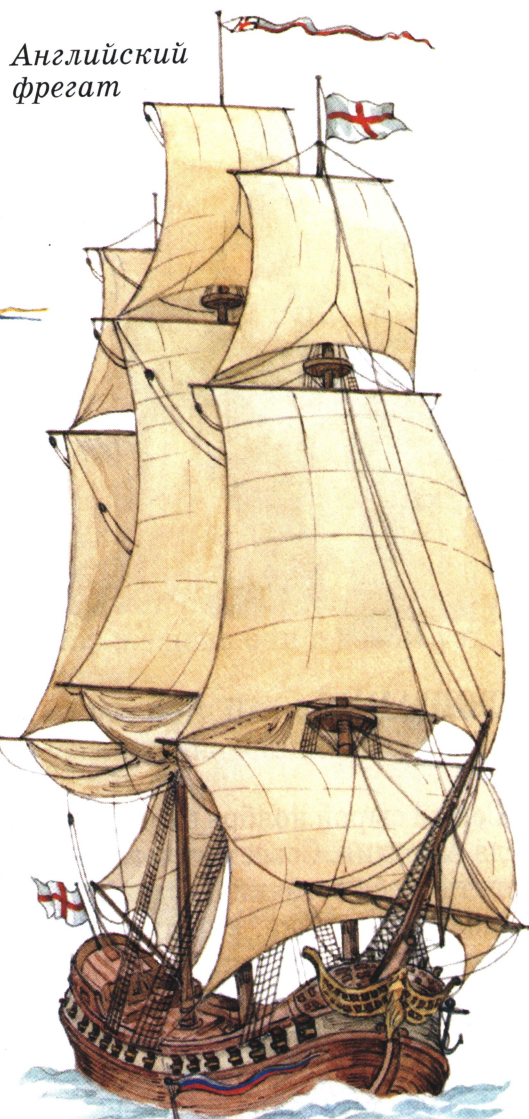
Галеас

*Адмиралтейская
яхта*

Шведский куф

Английский фрегат

Голландский галеон

Бригантина «Петр I»

ПРОЩАНИЕ

I

Серый сырой ноябрь вконец измотал деда Артемия. Совсем ничего не мог он делать. Все косточки до одной ломило. Сидел он на лавке, в полудреме смотрел в пасмурное окно. Вздрагивал от каждого скрипа: не Петруша ли идет?

Вдруг — словно видение какое-то: мелькнула мимо окна огромная, стремительно шагающая фигура.

— Никак царь! — ахнул дед.

Дремоту с него как рукой сняло.

Артемий бросился было встречать государя, но в прихожей уже раздался громовой голос Петра.

— Здорово, старик!

Собрав последние силы, старик низко поклонился.

— Здравия желаем... — дрожащим голосом проговорил он.

Быстрым взглядом царь оглядел новое жилище рыбака.

— Садись, садись, — сказал он Артемию. — Гляжу, что не можется тебе!

— Стар и слаб стал, государь, — отвечал старый рыбак, садясь на лавку.

— Пришел я поблагодарить тебя, — проговорил Петр, садясь рядом. Есть у меня помощники. Многие мои службы исполняют. Но редко с таким бескорыстием служат, как ты мне послужил.

— Да ведь и ты не забыл нас, батюшка, — ответил Артемий, и благодарная улыбка осветила лицо старика. — Дом у нас теперь вон какой. И Петруха, внук мой, в люди выбился.

— Жалую я тебя своей милостью, — положив огромную мозолистую ладонь на плечо старика, проговорил царь. — Поезжай на Москву, как желал ты... Мне внучек-то твой кое-что рассказывал.

Чем больше слушал дед Артемий, тем больше казалось ему, что спит он. Задремал, видно, у окна, Петруху ожидаючи, вот и снится ему то, о чем и не мечтал.

— За службу твою жалую тебя наградой, землю тебе отведу, где сам укажешь. — Словно бы издали слышал он строгий царский голос. — А из казны моей деньгами получишь пятьдесят рублей.

«Да нет, не сон это! Живое все! — мелькнуло в голове у Артемия. — Только чудно...»

— Доволен ли ты? — слышит над собой дед громкий голос Петра.

Доволен ли! Слезы потекли по морщинистым щекам Артемия, губы задрожали.

— Батюшка, родимый, — лепетал он, — за что ты меня, недостойного, щедро так награждаешь?

— А внук твой морскому делу учиться в Москве будет, — закончил свою речь Петр. — Так что, старик, помолись да и в путь соберись.

— Соберемся, батюшка, нам и собираться-то нечего, — суетливо провожая Петра до дверей, бормотал Артемий.

II

Коротки были сборы в далекий путь. Петруха оставлял Петербург и невольно думал о нем.

Как мало прошло времени, а что стало с топами, болотами да лесными делянками! словно по волшебству, вырос по обеим сторонам Невы город. Как памятливы были Петрухе эти места, где бродил он с детства. На Березовом лишь кое-где лесок остался. У крепости, где торговые ряды, с утра до ночи шум да гам стоит. Исчезли одна за другой деревушки. По пустынной раньше Кемми (ныне Фонтанка) и узкой Мье (Мойка) сновали туда-сюда лодки с людьми и товарами.

«Важный город теперь, — с гордостью думал Петруха. — Слободы на московском берегу, как грибы после дождика, растут. Только что пустырь был, а теперь — морских слобод уже две, да третья Шневежская, тоже не малая, от Мьи тянется. А по просеке, что в Кемь-реку оперлась, Аничкова слобода выросла. А против Аничковой, по другую сторону просеки, Астраханская слобода тянется».

Проезжая в коляске, запряженной тройкой лошадей по петербургским улицам, дед Артемий только ахал:

— А от шведов-то и памяти не осталось. словно и не было их тут!

— Да, прочно осел здесь русский царь. Какой неприятель не подойдет, не выпустит Петр из своих рук приневье, — с гордостью ответил Петруха.

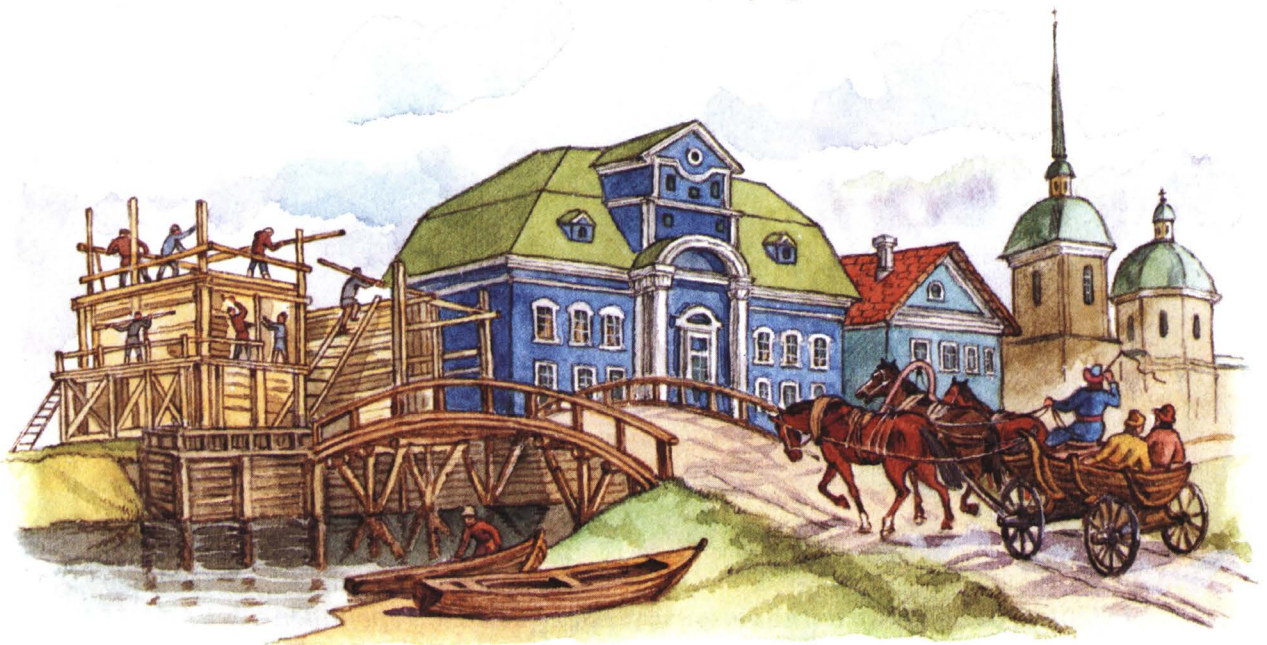
— Велик русский царь, и сердце у него великое, — сказал дед Артемий. — Каждый день я его в молитвах поминаю.

— Интересно, каким Петербург через десять лет будет? А вот вернусь после учебы, увижу, — задумчиво глядя вперед, думал Петруха. — Еще встретимся с тобой! Как к человеку обратился он к городу, который остался уже позади.

В этот же день они с дедом уехали в Москву.

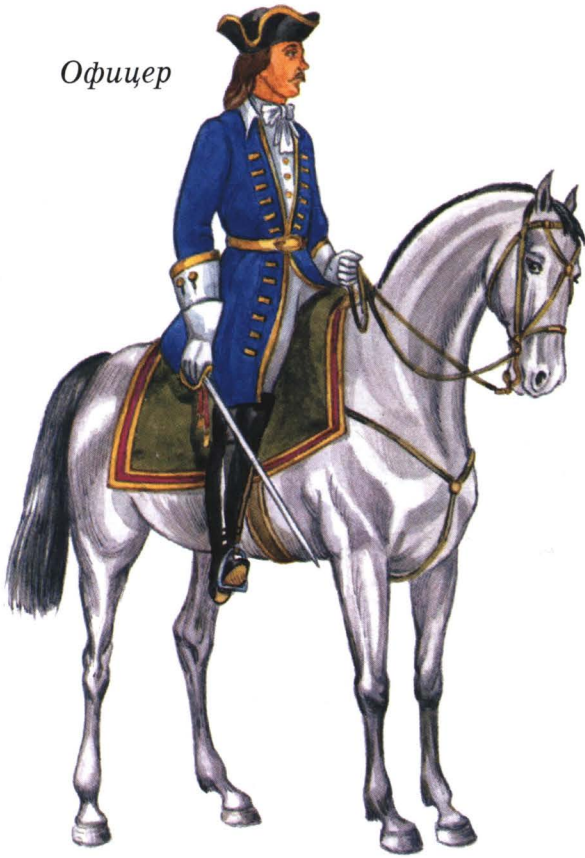
А вскоре Петр Николаевич Артемьев стал учеником навигационной школы.

Петр Николаевич Артемьев (1691—1710), став шкипером одного из галиотов Балтийской флотилии, был серьезно ранен в одной из стычек со шведами и попал в плен. Освобожден после взятия русскими Выборга в 1710 году, но через несколько месяцев умер от чахотки.

ДРАГУНЫ

Офицер

Рядовой

Штаб-офицер
лейб-гвардии
Преображенского
полка

Офицер, бомбардир и канонир

Рядовой гренадер

Офицер
артиллерийского
полка

ЗНАТНЫЕ ГОРОЖАНЕ

ПРОСТОЛЮДИНЫ

ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

К концу первого десятилетия Санкт-Петербург представлял собой крепость с обширными поселениями.

К зиме 1712 года царь выстроил для себя первый зимний дом (на месте, где теперь Эрмитаж). Один за другим возводились дома знатных вельмож.

Недалеко от стрелки Васильевского острова Петр устроил «театр потешных огней», где в праздники пускали фейерверки.

Еще с 1705 года Петр начал разводить летний сад. Сам рассаживал цветы и саженцы, которые ему высылали из Москвы. Так появился знаменитый Летний сад...

1703 г. — основание Петром I Санкт-Петербурга.

1712 г. — Санкт-Петербург столица России.

1720 г. — открыт первый петербургский театр.

1724 г. — открытие Академии наук.

1748—64 гг. — начато строительство Смольного монастыря в Петербурге.

1762 г. — Зимний дворец стал резиденцией русских императоров.

Ф. Алексеев. Вид Казанского собора в Петербурге

Неизвестный художник. Зимний дворец со стороны площади

1769 г. — начало становления Эрмитажа как крупнейшего музея мира.

10 сентября 1777 г. — крупнейшее наводнение.

1782 г. — открытие памятника Петру I на Сенатской площади.

1783—89 г. — строительство Таврического дворца.

1801 г. — строительство Казанского собора.

1818 г. — начало строительства Исаакиевского собора.

1825 г. — восстание де-

А. Бегров. Петербургская биржа

М. Воробьев. Исаакиевский собор и памятник Петру I

кабристов на Сенатской площади.

1832 г. — установление Александровской колонны в память о победе русской армии в Отечественной войне 1812 г.

Январь 1837 г. — смерть Пушкина в доме на набережной р. Мойки.

1837 г. — открытие первой российской железной дороги, связавшей

столицу с Царским Селом и Павловском.

1850 г. — сооружение первого постоянного моста через Неву — Благовещенского.

1851 г. — начало движения поездов из Петербурга в Москву.

1863 г. — начало строительства водопровода.

6 февраля 1865 г. — рождение новой петербургской традиции — «полуденный выстрел».

1870 г. — создание в Петербурге Товарищества художников — передвижников.

1898 г. — открытие Русского музея.

1914 г. — Санкт-Петербург переименован в Петроград.

1924 г. — Петроград переименован в Ленинград.

8 сентября 1941 г. — начало блокады, длившейся 900 дней.

9 августа 1942 г. —

Ф. Алексеев. Вид на Биржу и Адмиралтейство от Петропавловской крепости

впервые прозвучала Седьмая (Ленинградская) симфония Д. Шостаковича.

1955 г. — пуск первой линии метрополитена.

1991 г. — возвращение городу названия Санкт-Петербурга.

Ф. Алексеев. Вид на Михайловский замок в Петербурге

Г. Чернецов. Парад по случаю открытия памятника Александру I в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 года

И. Барт. Костел Св. Екатерины на Невском проспекте в Петербурге

В. Садовников. Петербург. Мариинский дворец со стороны Синего моста

В. Садовников. Санкт-Петербург. Аничков мост

Царский рулевой	4
Эх! Крепкий орех! Октябрь 1702 г.	5
Гость на Заячьем острове. Апрель 1702 г.	11
Открыли дверь! Апрель 1702 г.	16
Петрухина победа	22
Начало	26
На государевой службе	33
Царский рулевой. Ноябрь 1704 г.	35
Прощание	42
Словарь «Корабли времен Петра I»	40
Словарь «Военная форма и костюмы эпохи Петра I»	44

Федеральная программа книгоиздания России

Северная столица

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Для младшего и среднего школьного возраста

**Повесть о том, как царь Петр I завоевывал шведские крепости,
и как основан был великий город Санкт-Петербург,
названный в честь апостола Петра, покровителя русского царя.**

Руководитель проекта Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Корректор А. Новгородова
Компьютерная верстка: Е. Аквилянова

ISBN 5-7793-0282-0
ЛР№ 064517

Издательство «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, 56, тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63
Оптовые поставки — фирма «Паламед», тел. 176-68-95, 176-91-09,
176-80-97, 176-91-04, 176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09

Розничная продажа — Торговый дом «Библио-Глобус»,
101861, Москва, ул. Мясницкая, 6

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дата подписания в печать 15.09.2000

Гарнитура SchoolBook; печать офсет, формат 84 x 108, 1\16
Тираж 10 000 экз. (I завод 5000 экз.) Заказ № 3085.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Памятник Петру I в Петербурге

Петропавловская крепость и собор 1703—1733 гг.

Ростральная колонна 1806—1816 гг.

Исаакиевский собор 1818—1858 гг.

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, увлекательно написаны, красочно проиллюстрированы, содержат много полезной и интересной информации об истории России.

Готовятся к выпуску:

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ
ДУЭЛИ
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
АЛЕКСАНДР II
ИВАН ГРОЗНЫЙ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ФЛОТА
ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО
РУССКИЕ ПОБЕДЫ
ВЕЛИКИЕ ПОЛОТНА

ISBN 5-7793-0282-0

9 785779 302821 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

Северная столица

БЕЛЫЙ ГОРОД

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

А. Д. Меншиков
(1673-1729),
сподвижник Петра I

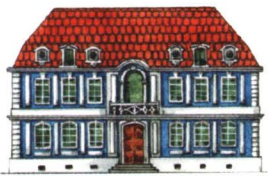
Быть тебе, Петруха,
на государевой
службе!

Уж и крепкий орешек,
этот Нотебург!

Мощью веяло от царя
Петра, силой
богатырской

Первые дома
Санкт-Петербурга

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ

«Корабли времен Петра I»

«Военная форма и костюмы эпохи Петра I»

Сильный флот у
шведов, но и его
победили!

Драгуны
Преображенского
полка

Здесь, на этих берегах,
город будет!

Вещий знак: орел над
будущим городом

Петр первым ступил на
борт шведского корабля